

Череповецкий государственный педагогический институт
им. А.В.Дуначарского
Вологодский государственный историко-архитектурный
музей-заповедник
Череповецкий краеведческий музей
Вологодская писательская организация

КУЛЬТУРА РУССКОГО СЕВЕРА
ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Материалы к конференции
17 - 20 мая 1990 г.

Череповец
1990

А.М.Депов

КУЛЬТУРНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ СРЕДА И ПОДГОТОВКА АГИТАЦИОННО-ПРОПАГАНДИСТСКИХ КАДРОВ

Культурно-идеологическая среда - это часть социальной среды, которая прямо или косвенно воздействует на сознание человека, формирует его духовный и нравственный облик. Можно выделить основные элементы социальной среды, которые позволяют эффективнее, с большей отдачей воздействовать на духовный мир человека, на формирование патриотических чувств и устремлений. Это монументальная пропаганда, организация музеиного дела, мемориалы и историко-культурные запомнищики, элементы эстетического и архитектурно-художественного оформления городов и сел, предприятий и учреждения, экологические объекты, которым сознательно придается общественно-просветительская роль.

Значение культурно-идеологической среды в процессе коммунистического воспитания различных категорий населения методологически обосновано в произведениях классиков марксизма-ленинизма. Наставлен на необходимость "двинуть шире и искусство как агитационное средство", В.И.Денин подчеркивал, что "оно должно обогащать чувство, мысль и волю... масс, подымать их" (Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине.- М.,1979, т.5, с.13). Культурно-идеологическая среда сочетает в себе опыт предыдущих поколений и наизусть современных потребностей и проблем. Соединяя в себе духовно-нравственный опыт прошлого и настоящего, деятельность устремленность в будущее, такая среда является порождением и отражением социально-экономической и культурной истории сегодняшнего дня и перспектив развития определенного региона.

Особенно важно в современных непростых социально-экономических условиях, связанных с кризисными явлениями в политике и идеологии общества, использовать богатейшие исторические, нравственные, духовные ценности "малого" Родины - Европейского Севера РСФСР, который по праву является памятником не только отечественной, но

= мировой культуры. История вологодского края, богатая именами и событиями, вызывающими гордость за нее, побуждает к тому, чтобы умножать его прошлые деяния своим трудом, делом подтверждать верность традициям старших поколений, тому вкладу, которые внесли наши предшественники.

Глубокие корни имеет культурная жизнь вологодской области. Здесь и глубокий пласт превьерусской культуры, связанный, в частности, со знаменитой "Северной физией". Здесь и наши знаменитые земляки, выдающиеся деятели литературы и искусства России. У богатейшие традиции народной культуры, пришедшие к нам из традиционного быта наших предков. Богатое наследие, связанное с революционными, ратными и трудовыми традициями, развитием науки и культуры, которое, конечно, далеко не исчерпывается теми именами и явлениями, какие оказались представлены в этом сборнике, не может не являться фактором активного воспитательного воздействия. Помня ленинские слова о том, что "хранить наследство не значит ограничиваться наследством", мы ставим в качестве важнейшей задачи в деятельности воспитательных институтов активнее использовать духовно-нравственный опыт поколений в благородном деле воспитания человека.

Не ставя задачи перечисления всех составляющих культурно-идеологической среды, следует остановиться на проблеме более эффективного использования их в идеально-воспитательной работе. Дока эти возможности используются недостаточно. Даже количественный анализ говорит о слабом использования пропагандистами местного краеведческого материала. Мало читается лекций по этой тематике, редко обращаются к ней в устной политической агитации. Нам представляется, что в настоящее время следует обратить серьезное внимание партийных организаций на расширение возможностей культурно-идеологической среды в воспитательной работе населения, координировать усилия всех заинтересованных организаций: партийных, советских, профсоюзных, культуры, искусства, экскурсионных, ветеранских и т.п.

Серьезное внимание следует обратить на подготовку агитационно-пропагандистских кадров: прежде всего через университет марксизма-ленинизма обкома КПСС и его отделение культурной политики, на котором в настоящее время обучается 166 человек (12 - учителя школ, 7 - работники культуры, 4 - здравоохранения - и ни одного

профессионального и комсомольского работника). Необходимо изучить возможности вести подготовку кадров этого профиля на заочном отделении университета марксизма-ленинизма, факультетах общественных профессий вузов и техникумов, школах при партийных комитетах, организациях общества "Знание", общества краеведов и т.д. Настало время подумать о разработке и внедрении в систему политической учебы, другие формы пропаганды и агитации, деятельность различных воспитательных учреждений курсов, циклов, отдельных тем по областной истории, культуре, искусству нашего северного края.

В.Б.Анохин

ВЪЖДЕНИЕ В КОНТЕКСТ КУЛЬТУРЫ КАК ПОИСК ИСТИНЫ

Классическая традиция осуществляет поиск смысла истины в семантическом измерении как соответствие наших суждений некоему обстоятельству дел. Сложности, возникающие в связи с поиском критерия "соответствия", снимаются в pragметической плоскости. Удивительным явлением в истории философии выступают попытки мыслителей пытаться прямо противоположное толкование истины, начиная с выявления ее pragматической сущности и кончая определением ее семантической ценности. Что это: спекулятивная игра рассудка? фантазия? или нечто более существенное и фундаментальное, характеризующее суть человеческого бытия?

Современные исследования в области философской герменевтики позволяют иначе взглянуть на проблему. М.Хайдеггер имеет сущность истины в свободе высвобождения сущностных возможностей человека и человечества через обнаружение сущего в целом (см.: Хайдеггер М. О сущности истины // философские науки, 1989, № 4, с.98). Х.-Г.Гадамер обнаруживает истину в "disciplinae diалога", понимая под ним структуру опыта, в котором те, кто стремится к постижению истины, подчиняют себя власти языка, втогаются в игру вопросов и ответов, составляющую философский диалог в его сократической форме. При этом Гадамер указывает на тесную связь человеческого существования со свободой. Поиск истины осуществляется в свободном выборе тех ситуаций, которые влекут его внутренним возможностям. Язык, как общая игра, приводит участников диалога к общей истине (см.: Анохин В.Б. Игровой аспект семиотики культуры. К постановке вопроса // Семиотика культуры: тезисы докладов всесоюзной школы семинара... - Архангельск, 1989, с.3-6).

Диалог можно вести не только с себе подобным, но и с знаково-семиотическими элементами или элементами культуры. Объекты культуры можно "мопрочесть" и получать ответы в форме оправдания того или иного ожидания. Последнее связано с истинностной оценкой игровой деятельности "мопрочателя". Успех в игре (игре) ведет к осознанию смысла объекта культуры, и сопричастию индивидуальности субъекта уникальности предмета исследования. "Сопричастие" осознается как вхождение в истину и сопровождается выявлением исполнительного критерия истины - красоты.

Нокк истины в запутанных лабиринтах культуры возможен лишь при наличии свободы субъекта. Это простое, но принципиальное обрамление как раз и подчеркивается понятием "игра". Субъект свободен в выборе игровых вариантов, он свободен и в выборе игр, если таковые имеются в наличии (последнее обстоятельство указывает на относительный характер свободы). Свободная игра позволяет выявить человеку те элементы культуры, которые представляют его индивидуальность. В этой интерпретации хаккеровское свободное раскрытие "сущностных возможностей в сущем" выступает как реализация игровых возможностей (игрового поля) субъекта в игровом пространстве культуры как целого.

Таким образом, истина можно представить как момент или процесс согласования игрового поля человека с игровым пространством культуры. Прагматическая сторона истины выступает здесь как успех или неуспех в освоении субъектом "замысла" культуры. Культура позволяет выявить не только истинное в себе, но и истинное содержание индивидуальности человека. Свобода в выборе элементов культуры приводит к рассогласованию игрового поля субъекта и игрового пространства культуры, что ощущается человеком как невероятное, ложное бытие.

Процесс развития личности можно рассмотреть как эволюцию или движение ее индивидуальности между двумя "параллельными рядами". С одной стороны, субъект замыкается в игровое пространство иерархически отруктурированной культурной системы; с другой стороны, он испытывает различные генетически фиксируемыми программами поведения. Творимое и переключаемое человеком игровое поле развертывается между внешней (культурой) и внутренней (генотипом) игровыми программами. Суть внешней программы состоит в том, что она заставляет неизбежность прохождения индивидом существенных для челове-

ческого рода игр. Человеку в своем развитии нужно погреть в игры роля (семейные обычаи, традиции, мифы, сказки и т.п.), затем - в игры более широкого ближайшего окружения (например, религия) и т.д. Внутренняя программа задает возможности выбора внешних игр и ориентирует индивида на собственную траекторию в пространстве человеческой культуры. При условии свободного выбора "траектория" принимает характер подлинного или истинного бытия и укрепляет систему общечеловеческой культуры, поскольку возникновение неподъемной индивидуальности является увеличением внутрисемейного разнообразия, несвобода сопряжена с обратным эффектом.

Приведенные рассуждения позволяют пролить свет на, казалось бы, мистическое понимание истины Н.А.Бердяевым. Согласно Бердяеву, истина не есть соотношение или тождество познающего, совершающего суждение субъекта и объективной реальности, а есть входление в божественную жизнь, находящуюся по ту сторону субъекта и объекта (Бердяев Н. Царство Духа и царство Кесаря.- Париж, 1951, с.10). Вхождение в "Царство Божие" ("коммунион" или "соборность") является актом свободного выбора, вопреки искусенному погружению в греховное "Царство Кесаря". Истинное может проникнуть, по мысли Бердяева, лишь в сферу "рабски угнетенного духа" и исчезнет, как мираж, по его "освобождении".

Принятая и понятая игра обуславливает "рольство душ", участие уличных в свободном творческом акте людей. "Роллюму по духу, другу моему,- уверяет Бердяев,- я не должен доказывать я не должен обязывать его, мы видим одну и ту же истину и общаемся в истине" (Бердяев Н. Философия свободного духа, кн.1.- Париж, 1927, с.1f2).

В заключение можно ответить на поставленный вопрос о смысле pragматического понимания истины. Истина есть ощущение подлинности человеческого бытия, процесс отсортировки субъектом в ходе игры поддельных элементов культуры от неподдельных. Подлинное, неподдельное структурируется как индивидуальность в свободном акте выбора и ведет к упрочению культуры в целом. Последнее, наконец, выступает средством и стимулом воспроизведения уникально-человеческого и ильмиде. В pragматической концепции истины подчеркивается ее очеловеченность, вопреки безличному характеру семантического понимания истины: истина связана с поиском смыслов человека, а не с поиском внутри человека копии внешнего мира.

ГУМАНИСТИЧЕСКОЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ КУЛЬТУРЫ

В научном и публицистической литературе сегодня немало внимания уделяется проблемам дефицита в различных его проявлениях. При этом все большими акцентом делается на недостатке культуры в нашем обществе, который проявляется, в частности, в низком культуре личности. В обычном сознании укоренилась та мысль, что вежливость, неумение ответить грубостью на хамство, силой на насилие - удел "интеллигента", а "мы, работяги" даже кичатся своими незнаниями, элементарными проявлениями бескультурья в быту, на работе и т.п. При этом часто к человеку вежливому, совестливому, культурному вырабатывается малострого-насмешливое отношение, а самим острым дефцитом в человеческих взаимоотношениях становится совестливость (ср. рассуждения д.с. Дехачева: Лит.газета, 1987, I, с. II).

Несмотря на процесс глобализации, появление возможности многообразных точек зрения, сказать о победе pluralизма в нашем обществе нельзя. Одна из причин этого - отсутствие культуры восприискии, нетерпимость к инакомыслию. Целесообразные черты возникли как следствие того, что люди десятилетиями учили говорить и действовать от третьего лица, а это приводило к растворению личностного "я" в общей "мы", личной ответственности в общем безответственности. Необходимо разрешить высказывать свою точку зрения - необходимо еще создать условия, формирующие каждого человека как самостоятельного общественного субъекта. Гарантизованное право человека на самостоятельное мнение приведет к формированию чувства ответственности за него, к более продуманным проектам и решениям. Чувство ответственности формируется в неразрывном единстве с личным достоинством. Поэтому культура нашего общества должна рассматриваться как коллективно-личностная.

Понятно, что при формировании социалистической культуры мы только в теории справедливо отмечали ее связь с предшествующими общественноческими культурными ценностями, а на деле представляли ее как единственно правильную и чисто выросшую как бы в искусственно-технических условиях. На практике у нас ощущается недооценка культурных традиций не только осуществляющих о нации область, но и своих собственных.

для реализации целей процесса перестройки необходимо возвращение человека в лоно социчеловеческой (и национальной) культуры, а также преодоление отчуждения личности от человека. Бездличностный человек не может быть высококультурным, а некультурному человеку не под силу намеченные в обществе революционные преобразования (ср. рассуждения И.Длямкина: Новый мир, 1987, № I).

Однако, как бы ни хотелось нам быстрей изменить, сделать более совершенным нашего человека, добиться этого в масштабах общества без качественного преобразования бытия и, в частности, бытового образа жизни, невозможно. К сожалению, решение этой задачи сегодня просто "буксует". Известны огромные цифры "очередников" не получение квартир, живущих в общежитиях, коммуналках и т.п. Какая возможность духовного развития, формирования взаимоуважения может быть в таких условиях? фактическое отсутствие возможности оставаться одному, распределить свое время в соответствии с собственными интересами, приводит (особенно, когда это длится десятилетиями) человека к осознанию бескомплексности, ничтожности коммунальной общности, как правило, заставляющей личность подчиняться ее требованиям. При этом личность более высокого уровня вынуждена либо спускаться по уровням "средней" общности, либо включаться в противостоящую и бесплодную борьбу с этой сущностью. Во всех случаях человек оказывается социально скрытым, нераскрытым. Поэтому культура общества, претендующего на звание самого прогрессивного, ни в коем случае не должна допускать легредел или закрепление личности.

Н.А.Бетрова, А.Н.Северов СПОСОБНОСТИ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ

Философский анализ общественного развития неосуществим без определения роли и места культуры как социального феномена. Одновременно прогресс общества и культуры может быть рассмотрен как развитие человеческой индивидуальности. В связи с этим представляется важным определить механизмы взаимодействия таких феноменов, как общество, культура, человек, попытаться раскрыть то связующее звено, которое объединяет их в единое целое. Культура не может быть рассмотрена как явление, стоящее рядом с обществом, представляющее какую-то его часть. Эта неразрывность

общества и культуры в некоторых трактовах предлагает рассматривать их как явления однопорядковые. Раскрывая суть общества, можно отметить, что это не только социальная, но и социокультурная реальность. Единство общества и культуры проявляется прежде всего через деятельные отношения людей. Состояние любого общества определяется как уровнем развития культуры данного социального организма, так и уровнем развития индивидов, его составляющих.

В механизме взаимосвязи общества, культуры и человека существенную роль играет такое явление, как способности. В литературе они часто определяются как склонность, возможность индивида заниматься тем или иным видом деятельности. В философском плане, однако, более важен анализ способностей с точки зрения социологического аспекта. Он позволяет рассматривать способности не только на индивидуальном, но и на общеобщественном уровне как совокупную общественную способность. В таком виде человеческая деятельность рассматривается как взаимообмен между совокупной социальной способностью и индивидуальными способностями человека. Это - взаимополнение человека и общества сяими способностями. Исходя из этого, для анализа взаимодействия общества, культуры и человека через взаимный обмен способностями важное значение имеют проявления определяющие и распределения.

Эти процессы можно определить как, с одной стороны, воплощение индивидуальных способностей в продуктах деятельности, как материализацию способностей, с другой - превращение материализованной совокупной общественной способности в индивидуальные качества человека.

Специфическим свойством человека как социального существа является способность к обмену результатами деятельности. В отличие от биологических существ, удовлетворение человеческих потребностей чаще всего достигается опосредованно, через результаты деятельности другого человека. В этом смысле человек приобретает ценность для другого человека, а процесс производства предстает как "обмен деятельности и способностей" (Маркс К., Энгельс Ф., Соч., т.12, с.725). Таким образом, обмен способностями становится специфически социальным способом освоения мира. Прогресс общества во многом определяется характером включения индивидуальных человеческих способностей в совокупную социальную способность. Способностях лиц раскрывается степень зрелости самого общес-

тва, общественных отношений, в зависимости от этого общество предъявляет определенные требования к развитию способностей человека, которые обусловлены социальными, экономическими, культурными потребностями общества.

Развитие человечества есть одновременно также и развитие культуры. Культура - это, с одной стороны, опредмеченные способности людей, выраженные в ее материальных и духовных результатах. С другой стороны, развитие способностей есть мера культурности человека, мера его социальных качеств. Сама культура есть не что иное, как овеществление в ее продуктах способностей людей. Процесс культурного освоения мира человеком есть развитие его сущностных сил, в котором происходит непрерывное совершенствование человеческих способностей. "Культура... - не просто абстракция, идеальный конструкт, а реальное бытие человеческих сущностных сил и качеств... в которых они кристаллизуются... так и в потребностях, способностях, сознании и других социальных качествах живых людей, в деятельности которых они проявляются, развиваются и совершенствуются" (Мокроносов Г.В., Седов Н.В. Персонификация и индивидуализация личности общественных отношений // Типология социальных явлений. - Свердловск, 1982, с.88). По мнению Б.Филатова, обмен способностями является "клеточной" развития культуры (см.: Полит. самообразование, 1983, № I, с.48). Способности - это то новое, что появляется в результате специфически человеческого освоения мира. Исходя из этого, обмен способностями можно рассматривать в качестве связующего звена общества, культуры и индивида, как меру социокультурного освоения мира человеком.

О.В.Козлова

ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ

На современном этапе развития нашего общества объективная тенденция развития всех областей общественной жизни впервые совпадает с эстетическим развитием личности, с преодолением существующего несоответствия между искусством и действительностью, пользой и красотой. Сегодня эстетическое воспитание становится всеобщим социальным процессом. Воздействуя на чувства человека, оно помогает превращению коммунистических идей в убеждения.

Процесс эстетического воспитания включает в себя воспитание эстетического восприятия, эстетических чувств и потребностей. От степени развития способности человека к восприятию прекрасного зависит и сила эстетического, идейного воздействия на него и самой действительности, и искусства. Конечно, человек осваивает действительность во всех ее формах и непроизвольно, стихийно. Однако глубина достижения мира, различных видов искусства зависит от уровня эстетической культуры человека. И задача здесь - не только развить способность к внешнему восприятию произведения искусства, к овладению его "языком", но и научить человека воспринимать явления искусства в целом, понимать соотношение в них содержания и формы; идейную направленность, их влияние на духовный мир человека.

Эстетические чувства, икусо, потребности не даны человеку от рождения, а формируются в процессе его социального развития. Конечно, решающая роль в этом процессе принадлежит искусству, и степень эффективности общения человека с ним, способность дать верную, глубокую, всестороннюю оценку явлениям искусства во многом определяется уровнем эстетического воспитания и образования личности. Поэтому восприятие искусства требует специальной подготовки, науки эстетического обоснования, образования. Если при восприятии художественного произведения человек может объяснить, почему оно ему "нравится" или "не нравится", только тогда может идти речь об осознании, понимании творческой мысли и деятельности автора. "Если ты хочешь наслаждаться искусством, то ты должен быть художественно образованным человеком", - писал К.Маркс (Соч., т.41, с.137).

Сопричастность с искусством пробуждает в людях потребность творческого отношения к себе самому и своей деятельности, потребность действовать по законам красоты во всех сферах общественной жизни: отношений к людям, к природе, в любой отрасли труда, в быту, в искусстве, в науке и т.д. Весь эстетические ценности - это не только постоянство художественной сферы или только искусства, они пронизывают всю жизнь человека. Поэтому достижения эстетической культуры человечества, воздействуя на духовный мир человека, помогают преодолеть его односторонность, разить у него творческое отношение к действительности.

А.И.Ященко

НАЗВАНИЯ НАСЕЛЕННЫХ МЕСТ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРЫ

Лажное место среди географических названий занимает оконимы - названия населенных мест. Известный русский историк И.Д.Флоровский писал: "Если справедливы слова Гrimma: "есть более живое свидетельство о народах, чем кости, гробы и оружие: это - их язык", - то в ряду других свидетельств географическая номенклатура должна звать одно из живых мест при освещении вопросов, связанных с историей народов. Летопись, нечертанная в лавке земли, отличается устойчивостью. Трудно стереть ту печать, которую налагает на землю племя, положившее в нее первый культурный труп" (О разработке географической номенклатуры. - Труды I Археологического съезда в Риге в 1896 г., т. I, 1899, с.12).

Оконимы имеют большое значение для решения вопросов о происхождении поселений, развитии поселков в связи с природными условиями и историей края, - Вологодского края в частности. В названиях населенных мест нашли также отражение быт, верования, духовная и материальная культура народа, общечеловеческие нормы морали, народная поэтика и антропонимика.

На территории, которую сейчас занимает Вологодская область, очень рано стали селиться славяне. К 862 г. относится упоминание о первом Белозерском князе - Синеусе. В освоении этих земель (в особенности Белозерья, участвовали кривичи, составлявшие преобладающее население Ростово-Суздальского княжества.

Здесь славяне встретились с пославянским населением: с древнейших времен на территории области жили волжские, прибалтийские и вычегодско-пермские группы финно-угров. Среди них - чуль, меря, мурома. Одно из этих племен - веев - очень рано исчезла со страниц нашей летописи (в "Повести временных лет" упоминается в последний раз под 882 г.). Но как этническая общность весь же была полностью ассимилирована, подобно мери, муроме и чули (памятью о которой является название одной из деревень Череповецкого района - мерные Чулки). Весь оставил своих потомков в лице венгов.

Раселение Белозерского края славянами шло мирным путем, хотя, видимо, отдельные недоразумения все же возникали: это вызывало сооружение укреплений и использование естественных препятствий для защиты. Доказательным в этом отношении является название дер. Ратибор (Кирилловский р-н). В древности не только восточные, но и западные славяне использовали лес, бер как естественную защиту. Так, например, возникло название Брандбор - современный Бранденбург (см.: Энгельс Ф. К истории древних германцев. - К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.16, ч.1.- М., 1937, с.347).

Многие географические названия связаны с названиями рек, в том числе и древнейшие города Вологда (с 1147 г.), Великий Устюг (с 1218 г.), Усть-Ижна (чертвоначально: Усть-Ижна, с 1252 г.)

В Вологодской области много названия образовано от древнерусского слова дор, которое известно по russским диалектам со значением "вновь расчищенное место под сенокос или под пашню", "новое селение на чистом, возвышенном месте" (о пом.: "Арх., Волог., Север."), "слегка возвышенная местность, поросшая строевым лесом в виде отдельных рощ" (о пом.: "Череповецкое") (Словарь russких наречных говоров, вып.8, с.129). дор, доровское, доровская, дорки, дорковъ, дорок, дороватка и т.п. - топониму дор содержит более 60 названий населенных мест Вологодской области. Эти названия отражают культуру полосечно-огневого земледелия Северной Руси. Крестьянский термин дор не следует смешивать с финно-угорским именем-наслеслогом дор (dor), который содержится в названии Полотороз (Великоустюгский р-н), где испанское поло (гарь), дор (место возле чего-либо) и са (болото): "вожженное место у болота"

Характерными для нашего региона являются названия деревень Половники (Никольский р-н) и Половники (Нюксенский р-н), которые образованы от термина половник - "обрабатывающий чужую землю испаху, отделяя головы у дохлов хозяину". "Половники остались у нас воинки, кажется, в одном лишь Вологодской области", - отмечал в свое время В.И.Даль (Толковый словарь..., т.III, с.255).

Около 2,45% названий населенных мест Вологодской области образованы от терминов полосочно-огневого земледелия: дор, новина, чисть, почасъ, гарь, погар, помар, лялина, осек, чертеж, рубеж, теребить, топориха, раменъе и т.п., - а также от терминов для названия лесных угольей. диль, избны, истобный, остобный и т.д.

Названия - памятники культуры - заслуживают бережного к себе отношения, поэтому в принципе не допускают переименований. "Переименования стирают следы истории, они являются результатом невежества, и нельзя неожидать, что они допускаются" (Орлов А. Прохождение названий русских и некоторых западноевропейских рек, горолов, племен и местностей. - Вельск, 1907, с. II).

Н.Н.Тихомирова

ТОПОНИМИ БЕЛОЗЕРСКОГО КРАЯ И ЕГО ИСТОРИЯ

Топонимы - один из важных источников для изучения истории языка и истории народа. Устойчивость, локализованность, способность отражать объективные свойства географических реалий помогают топонимам оставаться своеобразной "памятью" прошлого.

При номинации топообъектов существенной является проблема выбора признака, положенного в основу названия. Выбор признака определяется тремя существенными моментами: типом топообъекта, социально-экономическими условиями жизни народа, физико-географическими особенностями местности. Обусловленность выбора признака социально-экономическими факторами наиболее ярко отразилась в онкологии. Самую большую группу названий населенных пунктов составляют отантропонимические (60%), имеющие в основе фамилию, имя или прозвище человека. Наличие большой группы отантропонимических онколов объясняется экстралингвистическими причинами: перекин на Севере были одно- или двудворными, поэтому в качестве основы онконаима чаще всего использовалось имя владельца вновь разработанного участка земли, поставившего двор на этом участке: пер.Ермаково (ХУШ в., владелец Ермачко Царь селотов), починок Муравьев на устье Сивзы (ХУП в., владелец Муравей Есин). В основе онконаима может быть положено христианское или языческое имя. На территории Белозерья топонимы, образованные от христианских имен (Антон, Василий, Илья и пр.), значительно превышают группы топонимов, образованных от языческих имен (Забаев, Неждан, Последыш, Страшко и др.). дело в том, что славянское население пришло на Белоозеро из мест более ранних поселений; при этом основной поток шел уже после принятия христианства на Руси.

и незначительно по объему (2%) групше оиконимов нашли отражение имена святых (Архангельское, Ильинское и др.). Группа си оиконимов, получивших название по имени церкви, скрепилась к XX в., что связано с изменениями в жизни общества. Иные церкви перестали функционировать в советское время, были разрушены. На смену сакральным пришли новые названия: с.Козьмодемьянское (XIX в., Устьянский уезд) стало в XX в. Лентьевым. Сакральные оиконимы отмечены по всей территории Белозерья, но большее их количество находится на юго-востоке региона. вероятно, это связано с тем, что в прошлом при заселении края здесь была высокая плотность славянского населения.

О заселении края свидетельствует и небольшая группа этнических топонимов (0,6%). в иной части региона зафиксированы оиконимы, образованные от этнического имени чудь: дер. Чудиново, Задние Чуды, Средние Чуды. Пояявление таких этнических названий возможно на территориях пограничных, в районах контактирования разных народов. По данным историков, белозерское поселение венг (венги часто называли ее чуды) представляет источную периферию ее расселения. в восточной части Белозерского края, где проходил древний путь из Новгорода Великого на Восток, отмечены топонимы: с.Словенка, оз.Словенское, с.Волочек Словенский (Волоко-славинское), в которых сохраняется древнее название новгородцев - словене.

В топонимах края нашли отражение и названия некоторых промыслов и ремесел: д.Юнчарка, пустошь Горшечниково, п.Мельтирия, пустошь Зм, руч.Железный, г.Устюжна Железопольская. Документы помогают установить точное прохождение некоторых топонимов: "д.Кузнецково волы. Симсонко кузнец" (ХIV-XVI вв.) Название группы топонимов немногочисленна (0,8%) в связи с тем, что замкнутость феодальной деревни не способствовала развитию и обособлению ремесел. К тому же в Белозерье многие занимались отходными промыслами - лесосплавом, Сургачеством. Несколько шире (2%) представлена группа топонимов, отражающих процессы, связанные с земледелием (д.Дор, д.Тереберь, п.Чертеж, п.Гари, п.Бухара и др.)

Топонимы, имеющие в основе социальные термины (0,9%), подтверждают данные историков о существовании шире общего пользования

земли (п.Большая), принципия первого владения (л.Стрелка), решения спорных вопросов о земле (л.Нежная, бол.Спорное, покос Бородинское Сражение), отражает характер владения землей в прошлом (п.Борискин, п.Князе, л.Монастырский), социальные слои и отдельные феодальные деревни (л.Бычичево Горка - "Бирюч", должностное лицо, в обязанности которого входило объявление различных указов и распоряжений).

В белозерских топонимах широко представлена история, социальная и материальная культура края. По особенностям этого проявления мы можем восстановить реальные стороны жизни и деятельности наших предков.

З.А.Корсун

СЮЖЕТНЫЕ КОМПОЗИЦИИ В НАБИВНЫХ ТКАНЯХ РУССКОГО СЕВЕРА

Красильно-набивные промыслы занимают важное место в ряду многообразных занятий жителей Русского Севера. Данные земской статистики, работы спраочного характера дают немало сведений о производстве, бытовании и технологии изготовления крестьянской народной. Этнографическая литература фиксирует широкое применение набивки в одежду русского населения Севера (работы А.В.Порайкошиц, И.А.Алшатовой, И.Н.Уханиновой и пр.). Среди тем, историю которых касаются в своих работах исследователи народного искусства, одна из важнейших является тема изучения орнаментации предметов.

Во всем многообразии орнаментальных мотивов не так мало и число произведений с фигурыми композициями. К их числу относятся композиции с изображением человеческих фигур, коней и птиц. В русских набивных тканях встречаются образы, связанные с древней иконографией народного искусства и присутствующие в других произведениях (вышивка, ткачество, резьба и роспись по дереву и т.д.). В то же время, наряду с фигурыми мотивами, идущими от традиции XVII века, в набивке, вышитой до XVIII века, крайне редки были изображения человеческих фигур.

В докладе выявляется определенный круг образов и композиций, используемых в русских набивных тканях, прослеживается наличие в них древней семантики, проводится сравнение с фигурыми мотивами в произведениях других видов народного искусства. Рассмотр-

рение этого круга вопросов даёт дополнительный материал по сюжетным изображениям в народных тканях (по набивным тканям этот материал не был по сих пор представлен исследователями) для более глубокого изучения содержания многих образов народного изобразительного искусства.

Отдел русской этнографии Государственного музея этнографии народов СССР располагает значительным количеством экспонатов из Архангельской, Вологодской, Олонецкой губерний. Это отдельные образцы набивных тканей, заказники или манерники, насчитывающие в отдельных случаях несколько десятков, а то и сотен образцов небоеки различных рисунков, скатерти, пологи, предметы одежды. Помимо бояка с геометрическим или расгительным орнаментом, но встречались и ткани с сюжетным изображением.

Изучение музеиных коллекций, архивного материала открывает широкие возможности для полнейшего представления об истории народных промыслов, в частности, крестьянской ручной лабойки, являющейся частью многогранной культуры Русского Севера.

С.И. Кондраткин

ДИАЛЕКТНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ МАТЕРИАЛЬНОЙ И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ ВОЛОГОДСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА

Изучение истории и культуры народа немыслимо без знания народного языка, поскольку многие факты народной жизни нашли отражение именно в языке. Северорусские говоры богаты некоиторыми устойчивыми сочетаниями, различными по использованию, по структуре, по эмоциональной насыщенности, хранящих отголоски прошедших исторических эпох. Фразеология говоров Вологодской области не менее богата и разнообразна, чем другое стороны: «Менько в ѿльце» отражение многовековая народная мудрость, ум, наблюдательность, народная педагогика, особенности прежнего уклада жизни, трудовой деятельности, мировоззрения, материальной и духовной культуры вологжан.

Наблюдаются значительные различия между говорами Вологодской области в сохранении и использовании диалектных фразеологизмов. Говоры отдаленных деревень сохранили большее количество самобыт-

ных фразеологических единиц (ФЕ), чем говоры центральной части области, которые в большей степени испытали влияние литературного языка.

Во фразеологическом составе вологодских говоров выделяются две группы ФЕ, функционирующих в разных сферах языковой действительности: 1) ФЕ, выполняющие номинативную функцию; 2) ФЕ, выполняющие коминетивно-характеризующую функцию.

ФЕ первой группы выполняют роль наименований предметов и явлений действительности. Они не обладают ни стилистической, ни эмоциональной окраской, не дают оценок. С особенностями старого быта Северного края связаны, например, такие устойчивые сочетания: благодать, богород ладень (стол, за которым обедают), царская кухня (место, где принимали на работу), медвежья лапа (вид кружев), долгое лицо (кнут). Интересны народные названия растений: кошья лапка (полевая гвоздика), кисы лапка (бессмертник), кукушкины слезы (растение семейства орхидных), матрена холодная (сирпучая трава с большим альм цветком). Своегообразны и пришедшие из прошлого названия явлений природы: хоть знес мей (о холодной, ветреной погоде), божье милосердие (гроза). Несомненный интерес представляют старые названия кушаний: седая закуска (широкий), блочный каша (шар из картофеля). Большое количество ФЕ называет производственные процессы: на лужки выти (расслаиваться - о льне), взят в рожки (загнать зверя), затынуть топу (закинуть невод). С историей края связаны ФЕ, названные иры, танцы, обряды, религиозные праздники: на козла сесть, сером жарить, клепки круг, кашу варить (итры); беники бросать (отказывать женеху при сватовстве), хворости ломать (один из элементов свадебного обряда) и т.п.

Большая часть ФЕ в говорах выполняет коминетивно-характеризующую функцию. Это группа языкоисческо-изразительных, одиночных ФЕ, служящих для образной характеристики лиц, предметов, явлений, действий, состояний: в насбе мердиги (о высоком человеке), в куку не местится (об очень толстом человеке), веретеном встряхнута (тощая) и т.п. Многочисленны фразеологизмы, посвященные чертам характера, дающие оценку поведения человека: губа косая (о сердилом, неразговорчивом человеке), клепка слаба (о слабовольном человеке), окаянная головышица (сорванец, озорник), кругом илом (об упрямом, настойчивом человеке). ФЕ показывают, что издавна

ЧТО ИЗДАНИЯ ОСУЖДАЮТСЯ НЕЖЕЛАНИЕ ТРУДИТЬСЯ: тихоня ляповатая (о ленивом человеке), желтая пачка (о человеке, не желающем работать) — и, напротив: руками гореть (о красивом, работающем человеке). О бесстолковом человеке: дикая голова, дикое место. О нынеше и будущем: чёрные доли, ни кола, ни цимоты, запустить на ходу в перепады морд. И напротив: заработать в деньках, как во снах жить, бедам жить...

Многочисленны фразеологизмы, характеризующие различные состояния. Усталость: как немоге, дух вышел, по закиму, вьиться из веда. Угнетенное состояние: ревом зареветь. Воздействие: чанть рот. Волнение: что землю прокал, быть на дрожнях. Алигольное ощущение: надуть кальк, вспяться по дела, мом нехорош, разъесть губу, хмельных привызаться. Эти лаконичные формулы позволяют проследить, какие требования предъявляло общество человеку. В основе их образности, как правило, лежат ассоциации, связанные с самобытным укладом жизни во всех ее проявлениях.

Сопоставление фразеологии говоров Вологодской области с фразеологией других говоров позволило выделить фФ, известные нескольким говорам. Это объясняется прямым многосторонними связями в диалектологии. Фразеология Вологодских говоров тесно связана с историей края, она хранит в себе отголоски различных исторических эпох, отражает богатый исторический опыт крестьянства.

О.В.Козлова

ТРАДИЦИИ И ДИНАМИКА НАРОДНОГО ИСКУССТВА В СИСТЕМЕ КУЛЬТУРЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА

Проблема культурной преемственности, в которой необходимо выделить проблему народного искусства, диалектики нового и традиционного в нем, возможности их сосуществования и развития в условиях растущего технического прогресса, — эта проблема приобретает все более важное значение. Речь идет о совершенствовании мира духовной культуры человека. Любые же классические вершины культуры имеют свои источники. Не падать сегодня иссякнуть этим источникам — важная задача общества.

Противоречия культурно-исторического развития советского общества не могли не отразиться на всех видах народного искусства европейского Севера: резьбе по кости, кружевоплетению, резьбе по

дереву и бересте, черни по серебру и т.п. В 1965 г. народные промыслы были членами Союза художников Киргизии и присоединены к местной промышленности. Возникла проблема соединения производственных темпов с традицией качества, индивидуальности творческого мастерства в народном искусстве. Следствием попыток такого соединения стала потеря традиций народного образа. В это же время к оценке произведений народного искусства стали подходить с профессиональными критериями, что свидетельствовало о непонимании качественной особенности народного искусства. Попытка преодолеть местной промышленности, изготавливавших лакированные предметы, подчиниться плану и "валу" неизбежно должна была привести (и привела) к потере традиционного в произведениях народных промыслов, к падению уровня мастерства. Ярко проявилось это, например, в искусстве холмогорской резьбы по кости: теряется декоративная выразительность образов ажурной резьбы, существенно обедняются элементы орнамента, снижается культура мастерства.

Причина отмеченных явлений заключается прежде всего в отрыве традиционных видов народного искусства от сложившихся традиций мастерства, в непонимании значения создаваемого народным творчеством предметного мира. Продукты народных промыслов, как правило, соединяют в себе два функциональных начала: утилитарное (материковое) и эстетическое (духовное). В современных условиях все большее значение приобретает именно эстетическая сторона предметов народного творчества. В теперешний быт берестяные шкатулки, туесы, корзиночки, народная керамика, кружевые накидки, салфетки, покрывала, украшения и т.п. - входят прежде всего как предметы художественные, отвечающие эстетическим потребностям. Утилитарное начало сохраняется (плетеные корзины, бураки, туесы и т.п.), но уже не становится основным.

Поэтому народное искусство не должно сводиться к архаичному содержанию и формам, методу только идентифицируального творчества. Стоит же пытаться, как и сама жизнь, как культура в целом. Вырвать его из единой системы культуры - значит, обречь не умирание многие его виды. Народному искусству свойственно и новаторство: поиск новых форм, новых сюжетов и даже нового утилитарного назначения. При этом необходимо помнить, что миру народного искусства свойственен особый тип художественного творчества. Будучи ст-

носительно самостоятельным в системе культуры, народное творчество развивается и по своим, специфическим, законам, и по законам лингвистики культуры в целом. Единство народного творчества со всеми системами культуры проявляется в связи всех его видов с окружающей средой - в его материалах, сюжетах, орнаменте. Природа, среда, условия жизни человека - вот что служит постоянным источником творческой фантазии и художественного воображения народных мастеров. Забывание этой взаимосвязи приводит к снижению эстетической ценности продукта творчества. Поэтому произведения потомственных кружевниц В. Быковой, Л. Карелиной, М. Мухиной явно выигрывают в сравнении с работами художниц вологодской фабрики "Снежинка". И выигрывают не по технике исполнения, а по степени художественного вдохновения, обобщения чувственно передаваемого окружением природного мира. Фабричные работы обладают как раз противоположными свойствами, как массовое поглощение "образца", и потому утрачивают существенные свойства образности, необходимой в искусстве.

Повсеместно распространяющийся, этот процесс приводит к снижению эстетического качества продукции народных промыслов и, соответственно, к исчезновению подлинных мастеров. Земельна подлинной художественности ширпотребом наблюдается сейчас и в работах юлого-дских кружевниц, и в изделиях фабрики "Северная чернь". Только преемственность в развитии народного искусства, лингвистике традиций и новаторство в творчестве мастеров и, конечно, создание необходимых условий для деятельности последних - дают возможность сохранить источник народной культуры.

Л. С. ЛАВРЕНТЬЕВА

КОЛЛЕКЦИЯ РУССКОГО СЕЛЬСА В ФОНДАХ МУЗЕЯ АНTHРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ИМ. ПЕТРА ВЕЛИКОГО

В настоящие времена публикаций о музеиных коллекциях все еще недостаточно. Это относится не только к краеведческим музеям, но и к такому крупному учреждению как Музей антропологии и этнографии (МАЭ). Далеко не всем известно, что, ставя своей основной задачей создание коллекционного фонда по зарубежным народам, музей одновременно собирает коллекции и по народам России, которые широко использовал для обменного фольклора, временных выставок и научных изысканий.

В настоящее время фонды отсека Европы насчитывают около 10 тысяч предметов по народам России (из них ок. 6 тыс. - по русским). Первые коллекции, поступившие в МАЭ, датируются второй половиной XIX в., а к началу XX в. музей начал организованно и планомерно пополнять фонды восточнославянским материалом. Первые экспедиции для сбора коллекций по русским организациям именно из Севера европейской России. Для улучшения состава и документации поступающих коллекций МАЭ высылает программы и инструкции собирателям и местным учреждениям.

В числе крупнейших собирателей коллекций по культуре и быту Русского Севера следует назвать М.К.Каблукову=Горбунову (московскую коллекционерку, принесшую в дар МАЭ великолепную коллекцию русских кружев), М.А.Круковского (художника, который в 1899 г. передал МАЭ коллекцию одежды, домашней утвари, охотничьих и рыболовных принадлежностей из Олонецкой губернии), Н.А.Шабунина (художника, передавшего коллекцию одежды и украшений из Архангельской губернии) и др. А.В.Бураевский, заведомевший естественно-исторической станцией в с.Усть-Цильма, собрал (начиная с 1905 г.) богатейшую коллекцию одежды, домашней утвари, игрушек, охотничьих принадлежностей. Среди вещей середины XIX в. большой интерес представляют ощадка и женские головные уборы; многие предметы снабжены подробнейшими описаниями собирателя. В 20-е гг. братья Н.Д. и Д.Д.Травины привозят коллекции из Печорского края.. К сожалению, коллекции эти до сих пор изучены лишь частично (статьи Н.И.Гагетори, Р.В.Каменецкой).

Говоря о коллекциях МАЭ, нельзя не упомянуть и деятельность Этнографического отделения Русского географического общества, явившуюся толчком для этнографического изучения отечества и сбора полевых и вещественных материалов. В 1891 г. Этнографический музей Общества, содержащий реальные коллекции из Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний, был передан в МАЭ.

Большой интерес представляют иллюстративные материалы (фотографии, открытки, рисунки), поступившие в МАЭ от Н.А.Шабунина, М.А.Круковского, Д.Д.Травина, П.С.Захарова, А.П.Колобеева, М.Е.Ещемского.

Русский Север был и до сих пор остается объектом этнографического изучения и местом сбора многих ценных коллекций.

Р.М.ЛАЗАРЧУК

ВОЛОГОДСКИЙ ГУБЕРНСКИЙ АРХИТЕКТОР ПЕТР ФЕДОРОВИЧ БОРТИКОВ
(Опыт реконструкции биографии и творчества)

1780-е гг. - особый период в истории архитектуры Вологды: пострадавший от сильного пожара 1773 и наводнения 1779 гг., ставший в 1780 г. губернским центром, город отстраивается и перестраивается по генеральному плану, утвержденному Екатериной II 24 февраля 1781 г. Вот почему понятен и естествен интерес к личности человека, о имени которого связано перенесение "высо-чайше конфирмованного" плана в натурку и создание нового архитектурного облика Вологды. О первом вологодском губернском архитекторе Петре Бортникове известно немногое. Пребывание его в Вологде датируется 1785 ("не ранее") - 1791 гг. До этого - служба в Москве: "в 1773 г. в должности "архитекторы I класса помощник" он составил проекты перепланировки и застройки после пожара некоторых частей города (районов Тверской, Таганки, Кожевников)". в 1781 - "находился на службе в Каменном приказе". Умер П.Бортников 8 октября 1791 г., возвращаясь из Тотъмы, где он оказался по служебным делам (См.: фехнер М.В. Вологда.- М., 1958, с.30-32).

Документы, обнаруженные нами в архивах Москвы, Ярославля, Вологды, позволяют многое дополнить, уточнить, исправить. Прощение Бортникова (Центральный Гос.архив древних актов /ЦАДА/, ф.286, оп.1, ед. хр.653, л.329) и его послужные списки (Гос. архив Ярославской обл./ГАЯО/, ф.72, оп.2, ед. хр.1721, л.267 об.; ед. хр. 859, л.22 об.) помогают восстановить подлинное отчество архитектора - Петр Федотович, а не Трофимович. Наиболее вероятный источник ошибки, прочно утвердившийся в литературе о Вологде, - статья П.Н.Петрова "Строительное дело в России при Екатерине II" (Золотицк, 1980, № 10-II, с.90) или съелени, сообщаемые "Месяцесловом с расписью чиновных особ в государстве на лето... 1785" (с.295). В адрес-календарях на 1784, 1785-1791 гг. значится губернский архитектор Петр Федотович Бортников.

Он родился в 1726 г. (судя по формуляру, хранящемуся в ГАЯО, ему было 58 лет в 1786 г.: ГАЯО, ф.72, оп.2, ед. хр.859, л.22 об.) и происходил из "однодворцевых детей". Службу П.Ф.Бортников начал в Киевском гарнизоне: сначала солдатом (с 4 февраля 1747 г.), потом ротным писарем (с 1748), наконец - "полковым комиссарским"

писарем (с 1751). 7 октября 1753 г. указом правительствающего Сената он был "определен в контору строения и поправления киевских пещерных гор, в которых нетленные мощи угодников Божих имеются, и по отходу реки Днепра в команду архитектора Мичурин" (ГАЯО, ф.72, оп.2, ед. хр. 1721, л. 267 об.). Далее ссылки на эту единицу хранения - в тексте). Что же так круто переменило судьбу 25-летнего писаря: случай? перевение? личные контакты с известным архитектором (в 1748-1754 гг. И.Ф.Мичурин строил в Киеве по проекту Растрелли Андреевский собор)? Неизвестно. Но с этого момента до конца жизни - долгих 36 лет - Бортников состоял при "архитекторской науке". По службе проливался меленоно: с 30 июня 1758 - архитекторский сержант; с 24 февраля 1760 - прапорщик; с 1 января 1763 - штаборучик; с 1 января 1768 - поручик. 1 января 1770 г. Бортников был награжден чином титулярного советника и с тех пор в течение 12 лет "исправлял должность архитектора" при Московской полиции. В 1774-1775 гг. "употреблялся по секретной коммисии и... послан в город Сузdalъ" (л.268). Служба в Каменном приказе в формулярах Бортникова не зафиксирована (См. также: ЦГЛА, ф.266, оп.1, кн.746, л.517). В 1781 г. он по-прежнему числится "в ведомстве Московской полиции". 3 июня 1782 г. Бортников был "уволен от службы" "за болезни" "без награждения чина" (л.268). Однако уже 10 декабря 1783 г. он получил новое назначение - губернским архитектором. Что заставило человека, "дошедшего уже во изыскании силами", находящего "себя далее при сих делах быть неспособным", переменить решение и занять пустующее со дня открытия Вологодского наместничества место губернского архитектора, - не знаем. В Вологду Петр Федотович приехал совершенно больным "евловеком", "имея повреждения в глазах", "с кружком" слыша крайне ужом, страдая "верх других геморанческих болезней" (ЦГЛА, ф.266, оп.1, ед. хр.653, лл.329-329 об.). Ему 55 лет. у него нет детей. Рядом с ним жена "Анна Леонтьевна dochь Чушаткина" (л.267 об.). Губернский город получила архитектора, который "употребляем был к разным казенным строениям в Головинском бывшем и Кремлевском и Воробьевском в Москве дворцам и к строению церкви, и с открытием... воспитательного в Москве дома 4 года", и к "постройке учрежденной высочайшим указом больницы и ребристого цвора с принадлежностью" (л.268). Поступок описан - свидетельство даконичное. На ос-

новании его труда составить представление о том, как и в каком качестве "употреблен был" Бортников к строительству названных московских дворцов. В одном нет сомнений: Бортников работал под началом больших мастеров И.Ф.Мичурина, Д.В.Ухтомского, К.И.Бланка и, следовательно, прошел хорошую школу. О масштабах его дарования можно судить по одной детали: из-за отсутствия "при Московской полиции настоящего архитектора" правительство возложило "всю его должность" на Бортникова. В течение четырех лет (1772- ноябрь 1776) гражданским строительством "обширного города" ведал человек, известный сегодня лишь как провинциальный зодчий. А ведь совсем недавно это место занимал прославленный ухтомский.

Вологда была последним этапом в биографии и творчестве Бортникова (конец 1783 - 8 октября 1791). Здесь 2 сентября 1786 г. он был упостоен чина коллежского асессора (л. 267 об.), последнюю в своей жизни. Здесь были осуществлены его последние замыслы. Списка достоверных произведений Бортникова в Вологде еще нет и составить его не просто. Обизанности губернского архитектора заключались не только в подготовке проектов, смет, но и в наблюдении за строительством и ведении работ. Последнее особенно важно: иначе возникает опасность "приписать" Бортникову постройки, сооружаемые им по чужим проектам. Бортникова часто называют автором одного из самых современных произведений классицизма ХVIII в - кома губернатора (1786-1792) (См.: Бочаров Г., Выголов В. Вологда. Кириллов.Ферапонтово. Белозерск.- М., 1979, с.96). Аргументация М.В.Фехнер (указ.соч., с.115) может показаться убедительной: исследовательница обнаруживает "полную аналогию в композиции фасадов типовых жилых домов, спроектированных П.Т.Бортниковым в 1773 г. для застройки Таганской части в Москве, и губернаторского дома в Вологде". Однако из документов видно, что "план и фасад губернаторскому дому со службами" сочинены ярославским губернским архитектором И.М.Левенгаагом в 1762 г.; Бортникову же с "весны 1765 г." поручено "смотрение" за строительством, осуществляемым подрядчиком, вологодским купцом Матвеем Колесовым (ГАВО, ф.72, оп.1, ед. хр.1432, лл. 3 об., 21-21 об., 18 об., 19). Другой памятник архитектуры - здание бывшей мужской гимназии (1791-1792) - эти годы "дом 'еще не совсем сооруженный... от приказу общественного призрения странно причудливый и училишный" - Гос.архив Вологодской обл./ГАВО/, ф.13, оп.1, ед. хр.401, л.7 об) считается по-

строикой Бортникова только потому, что он был в те годы губернским архитектором.

Серьезного научного изучения требует история Каменного моста, великолепного произведения архитектурного и инженерного искусства (1789-1791). Творением Бортникова его называют единодушно и безоговорочно. Однако документы свидетельствуют о том, что 10 января 1789 г. губернский архитектор присягал в Городскую Думу "учиненные им на укрепление построенного моста два плана с фасадами: 1) как оный мост в натуре состоит; 2) с показанием укреплений и что потребно, какой материал..." (ГАВО, ф.476, оп.1, ед. хр.9, лл.7,82, 171-171 об.). Таким образом, Бортникову принадлежит проект укрепления моста, строительство которого началось до его приезда в Вологду (ГАВО, ф.72, оп.1, ед. хр.583, л.98). Как и когда сломилась та оригинальная архитектурная композиция, которую называют Каменным мостом, еще предстоит выяснить. Без обстоятельных архивных разысканий, без научной атрибуции и максимально полного выявления созданного Бортниковым построек невозможно определить реальный акт архитектора в строительстве Вологды и городов Вологодского наместничества. И только одна сторона деятельности Бортникова представляется совершенно ясно. Так же, как и в Москве, в губернской Вологде он прежде всего "старался построикой жителям яснов... доставя скорейшее удовольствие" (См.: ГАВО, ф.13, оп.1, ед. хр.328, л.274 об.). Он сочинял планы, фасады частных и казенных домов (так, П.Ф.Бортниковым подготовлены план и смета служб при генерал-губернаторском доме - ГАВО, ф.72, оп.1, ед. хр.583). Он проектировал кварталы, магазины и тем самым способствовал распространению передовых архитектурных идей и утверждению новых градостроительных принципов в провинции (См.: "Подписанной план положению кварталов, в коих назначено быть строению казенному Каменному помор Вологодским виде=губернатору, почтмейстеру, казначеям и коменданту - Р.Л./" 1786 г. - ГАВО, ф.13, оп.1, ед. хр. 203).

С.Б.Косолапова

СЕВЕРНЫЕ ЖИТИЯ КАК ИСТОЧНИК ИССЛЕДОВАНИЙ В XIX ВЕКЕ

К XVIII веку агиографический жанр исчерпал себя, но в XIX в. интерес к житийным памятникам, историческим памятникам и местным

рукописям возобновляется. Жития местных святых начинают активно использоваться как источник для исторической, культурной и даже статистической информации.

Уже Н.М.Карамзин при работе над "Историей государства Российского" во многом опирался на жития. В.О.Ключевский в работе "Жития святых как исторический источник"(М.,1871) указывал, что сведения в местной агиографии могут быть "единственными записками" о каком-либо "темном уголке России". В этом исследовании упоминается много северных местных житий (Житие Кирилла Белозерского, Житие Филиппа Ирапского и др.) В 1881 г. вышла книга И.Яхонтова "Жития святых Северорусских подвижников Поморского края как исторический источник", уже специально посвященная интересующим нас памятникам. Большой интерес к агиографии проявляли и филологи: можно, например, отметить работу Н.Некрасова "Зарождение национальной литературы в Северной Руси"(Записки Новороссийского ун-та, т. IV, вып. I.- (Пе-са, 1870). Здесь исследователь обратил внимание на то, что "различные жизнеописания написаны народным языком... много народных черт в синтаксисе", приведя соответствующие примеры. А.И.Соболевский в книге "Образованность московской Руси XV-XVI веков"(СПб., 1894) использовал жития очень широко: на их основе он, например, сделал вывод о высоком уровне грамотности на Русском Севере в XV-XVI вв.: "Из житий святых XV в. видно, что среди бояр этого времени было в обычее учить детей грамоте... целый ряд житий святых указывает на семилетний возраст как на обычный возраст начинавших учиться грамоте без различия сословий".

Среди библиографических указателей житийной литературы можно отметить книги В.М.Унцольского "Славяно-русские рукописи"(М.,1870) и Н.Барсукова "Источники русской агиографии"(СПб., 1882). Среди северных житий, описанных В.М.Унцольским, следует упомянуть Житие Галактиона Болотоцкого (№ 296), Житие Игнатия же на Приладде Вологодского чудотворца (№ 313), Житие Иоанна и Прохория Устюженских (№ 320), Жизнь жития Кирилла Новоезерского (№ 327,328). Житие Прокопия Устюженского (№ 362). Н.Барсуков называет большое количество местных святых в городах Вологда (39), Белозерске (7), Великом Устюге (7) (ср.: Брянск - 2, Омленск - 2 и т.п.); он же описывает жития Кирилла Белозерского, Нила Сорского, Ефросина Синеверского, Кирилла Новоезерского, Филиппа Ирапского. Все эти жития, иногда в нескольких списках, находятся в музеях Вологодской области.

В Череповецком краеведческом музее (ЧКМ) много рукописных памятников языческой литературы. Наиболее ценными из них являются списки *Лития Евфросина Синезерского* (ХIII в.), *Лития филиппа Иранского* (ХIII в.) и *Лития Кирилла Новоезерского* (ХIII в.). Все эти жития являются памятниками близлежащей территории. Евфросин Синезерский - основатель монастыря на берегу Синичьего озера (в 50 верстах от устья реки). Пустынь святого филиппа Иранского находилась в 45 верстах от Череповца. Монастырь, в котором появился святой Кирилл Новоезерский, был расположжен между Кирилловом и Белозерском.

Рукописи этих житий, хранящиеся в ЧКМ, во многих отношениях уникальны. Так, список *Лития Кирилла Новоезерского* вообще довольно мало, - но в ЧКМ находится лицевая рукопись ХIII в. *Лития филиппа Иранского* в свое время издал В.О.Ключевский (СПб., 1879), - но в списке ЧКМ указано полное имя автора: Герман. В череповецком списке *Лития Евфросина Синезерского* также указано имя автора: Иона Сильгишев Суровицын. Подобные указания - крайне редкий случай в агиографической литературе.

М.В.Строганов

К.Н.БАТИШКОВ И ЕГО "МАЛЕНЬКАЯ ФИЛОСОФИЯ"

Представление о Батышкове как о "маленьком философе" стало уже традиционным, ибо эпикурейство в эпоху героических целей и на фоне великих свершений выглядело уходом от больших проблем жизни. Но "маленькая философия", будучи воспринята в контексте своего времени, предстает вполне обычной философской системой, не столь оригинальной, как кажется, но убедительной и серьезной.

В первом рецензии стихотворения "Мечта" (1804-1805) Батышков писал: "Но счастью певцов / Удел есть скромна сень, мир, вольность и спокойство". В окончательной редакции (1817) этому эпизоду соответствует следующее: "Но я и счастлив, и богат,/ Когда снискал себе свободу и спокойство,/ А от сует ушел забвением троюю!". Обратим внимание на формулу: "вольность и спокойство", "свобода и спокойство". Случайна ли она? И что за неё стоит?

"Изображение фельши" Г.Р.Держимора было впервые опубликовано с посвящением: "Автор фельши тебе же, богоизбоготворенная, и изображение твое посвятив дерзает. Плюс усердия, благородности, покоя и свободы". Герой "Дышащих вол" А.А.Шаховского, Промским, бывший офицер, утверждает:

Мне, право, кажется, что нам труднее взвое
Почтенье заслужить и выполнить свою долг
В любезных обществах, в свободе и покое.
Я быть всегда пречник к себе по службе строг,
И, все то выполни, что делать был обязан,
Спокойно чувствовал; мои ум были меньше связан
Боинаком страстью, чем вольной жизнью твоей,
Где все покорено суждением произвольным,
Где никогда собой не можно быть повольным,
Бояся преступить обычай принятой,
Условны превыше, где даже сердца чувство
Примичия мелочных должна под ягом быть...

Поэт Державин согласен с поэтом Батюшковым: "свобода и покой" порождают истинное творчество. Любитель строгих регламентаций Пронский выступает против "суждений произвольных" (а стоящий за ним Шаховской, критикуя его устами "большой свет", выдаёт в противоречие: оказывается, и там есть "обычай", "условия правила", "приличия ито"). В.К.Кихельбекер, младший современник, переходит эти понятия в политическую плоскость. "Народ", готовящий к Коринче заговор против тирана, берет своим символом к восстанию слова: "Да здравствует корицан мать благая! / Вечера идет въем вольность и покой". Идеалом народа, таким образом, являются "вольность и покой". По мнению Пушкина, исполнение этого идеала гарантирует мир и спокойствие: "И станут вечной оградой трона / Народов вольность и покой" (ода "Вольность"). Даже частный человек, не будучи увлечен химерами, видит в этом идеал своему жизни: "Нет! расчет, умеренность и трудолюбие: вот мои три верные карты, вот что устроит, усмирит мой капитал, и доставит мне покой и независимость!" ("При овсяной ламе" - ПСС, т.8, с.235).

Примеры эти можно продолжать до бесконечности. Однако приведенных достаточно, чтобы убедиться в формульности "вольности (свободы) и покоя (спокойства)". Восходит эта формула к трактату И.Д. Руссо "Рассуждение о проклятии и основаниях неравенства между людьми" (1754), где пытаясь "объяснить, в силу какого сцепления чудес сильный мог решиться служить слабому, а герой - купить воображаемое спокойствие ценой действительного счастья", автор пишет: "...дикарь и человек цивилизованный настолько отличаются друг от друга по душевному складу и склонностям, что высшее счастье одно-

го повергло бы другого в отчаяние. Первый желает лишь покоя и свободы, он хочет лишь жить и оставаться прадным, и даже спокойствие куха столка не сравняется с его глубоким безразличием ко всему остальному. Напротив, гражданин, всегда деятельный, работавший в поте лица, беспрестанно терзает самого себя, стремясь найти занятия, еще более многогранные..." (Руссо И.А. Трактаты. - М., 1949, с.45, 96-97). Конечно, поэт, по Батюшкову, не "ликарь", но отнюдь не в гражданской жизни видит он свой идеал:

...Блажен стократ, кто с сельскими богами,
Спокойный домосед, земной вищает рай
И, шата не ступя за хижину убогу,
К себе боязно быстрочогу
В молитвах не замет!
Не слеп ко славе он любъю,
Не жертвует своим спокойствием и кровью:
Могилу зрит свою и тихо смерти ждет.

("Воспоминание")

На этом построены почти все программные вещи Батюшкова. Все зависимости от художественной ценности каждого из этих произведений, они все равно важны как воспроизведение целостной философской системы. Между тем, высказывания о том, "Что спокойствие есть счастье, / Совесть чистая - скромность, / Вольность, вольность - дар святых небес" ("К филисе"), - вовсе не были новостью. К чему же это показывать?

Конечно, для тех, кто ищет более всего новизны, старые прописанные истины не имеют цены. Но для тех, кто видит в "самостоятельный человека залог величия его", истины эти вовсе не бесодержательны. В полном тексте стихотворения "Воспоминание" вслед за прописанными строками про "спокойного домоседа" слеует:

Семейство мирное, ужель тебя забуду
И дружбе и любви неблагодарен буду?
Ах, мне ли позабыть гостеприимный кров,
В сени помашних ище богов
Усердный эскулап божественной наукой
Исторг из-под косы и ливно исцелил
Меня, борящегося уже с смертельной мукой!
Ужели я тебя, красавица, забыл,
Тебя, которую...

Это не "маленькая философия". Пусть она не стремится обнять собой весь мир земной. Но в углублении в частную человеческую жизнь, в постижении ценностей Дома заключено ее большое человеческое значение. Она не влечется за идеалами сегодняшнего дня, но преследует то, что в свое время волновало предыдущие поколения и будет волновать будущее. Видеть в лирике Батюшкова анахрестику и энтузиазм значит не понимать, что жизнь действительна слишком кратка, чтобы превращаться случайному ценности. Любовь, природа и семья - вот истинные ценности для человека.

Как счастье мелчайно приходит,

Как скоро прочь от нас исходит!

Ближея, за ним кто не бегит,

Но сам в себе его находит!

(*"Элегия"*, 1805)

Эту "маленькую философию" наследовали Пушкин, Лев Толстой. Лежит она на магистрали философской мысли.

В.А.Кошелев

О МЕСТЕ К.Н.БАТЮШКОВА В ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Еще В.Г.Белинский, говоря об особом значении творчества Батюшкова для последующего развития русской литературы вообще и Пушкина в частности, считал необходимым подчеркнуть: "Батюшков не имел почти никакого влияния на общество, пользуясь великим уважением только со стороны эзотерических сложесников своего времени..." (ПСС, т.7, с.221). Это восприятие критика соответствовало характерным высказываниям современников поэта. М.А.Дмитриев, восхищаясь "огромной силой" Батюшкова, говорил: "довольно сказать, что между литераторами он разделал эту славу с Кукоским, хотя в читающей публике и не имел столь известности" (Дмитриев М.А. Исключ из запаса моей памяти.- М., 1869, с.195). И.Н.Розанов завершил свой очерк о Батюшкове неоднусмысленным утверждением: "...Батюшков - поэт для немногих..." (Розанов И.Н. Русская лирика.-М., 1914, с.264).

В подобных высказываниях показательно прежде всего представление о Батюшкове как о "поэте для поэтов". Интересно, что некоторые тезисы статьи В.Ф.Маяковского "В.В.Хлебников" (1922), где впервые была проведена грань между "поэтом для потребителей" и "поэтом для производителя", неожиданно оказываются сопоставимы с творчеством не

Хлебникова, а Батюшкова, чья "биография - пример поэтом и укор поэтическим цельцам", произведения которого "надо брать в утрывках, наиболее разрешающих поэтическую загадку", в стихах которого бросается в глаза его небывалое мастерство" и т. п. (Полн. собр. соч., т. 2.- М., 1939, с. 475-483). Более того, отысканы Маяковского о Жебнякове неожиданно перекликются с отзывами Белинского о Батюшкове.

Возможность подобного "странныго сближения" основана на том, что Батюшков по основной направленности своих творческих поисков выступал именно как "поэт для производителя". Его многочисленные "опыты" (экспериментальные по субъективной направленности) редко приводили к созданию совершенных художественных образцов и, как правило, были единичны. При этом они вызывали поток разного рода подражания, продолжений, - то есть быстро становились традицией, подхватываемые множеством последователей. Глиняковы испробовав себя в жанре литературной сатиры нового типа, позже названном "арзамасской" ("Видение на берегах Деть") или в жанре литературной пародии ("Певец в Беседе Славянороссов"), Батюшков больше никогда к этим жанрам не обращался, - но стимулировал появление целого потока подобных произведений. Такими же единичными образцами, многократно повторенными продолжателями, стали его англологические стихотворения ("Бакханка", "Из греческой антологии"), историко-литературные элегии ("Умирающий Тасс"), поэтические послания-манифесты ("Моя Певчая"), "военные" элегии ("Переход через Рейн") и т. д.

Еще характернее в этом отношении проза Батюшкова, памая простор для самых смелых аналогий. Тут и элементы будущего "физиологического очерка" ("Прогулка по Москве"), и первый искусствоведческий обзор в русской литературе ("Прогулка в Академию Художеств"), и образцы документальной литературы ("Воспоминание о Петине"), и поиски (в записных книжках) нового типа художественного повествования.

Батюшков был поэт, избранный для себя позицию "дилетанта", любителя, не связанныго поэтическими профессиональными условиями. Поэт- "скиталец" ("три юны, все на коне и в мире на большой пороге"), обращавшийся к литературному творчеству от случая к случаю. Поэт, открыто следовавший лучшим образцам инонациональных словесностей и сознательно опиравшийся на "образцы". Поэт, избегавший больших форм и ориентированный на "совершенные безделки", всякие

по его мнению, лишь в стилистическом отношении. Поэт, обладавший особыми возможностями эволюции, способны и мгновенным переходом от "светлого" мировоззрения к "мужам сомнения и горечи отчаяния". Поэт, болезненно переживавший частые личевые и творческие кризисы, каждый из которых знаменовал начало качественно нового этапа творчества. Поэт, сознательно отцепивший свою индивидуальность от "всех обществ" и получивший вследствие этого отречения серьезные возможности для независимого "движения".

Батюшков остался поэтом, находившимся в состоянии переходности, причем, переходность эта, в данном случае, стала самым устойчивым признаком той системы, в русле которой возможна оценка его творческой индивидуальности. Сетуя на то, что "Батюшков как будто не сознавал своего призвания и не старался быть ему верным" и противопоставляя его в данном случае Букоевскому, который, "руководимый непосредственным влечением своего духа, был верен своему романтизму и вполне исчерпал его в своих произведениях" (ПСС, т.7, с.225), Белинский прежде всего имел в виду эту черту творческого облика Батюшкова, расцененную им как "противоречие": "Он романтик... и не реалист..." (Там же, с.242).

Белинский объясняет это "противоречие" тем, что Батюшков "всегда находился под влиянием своего времени", и далее: "А его время было странное время,- время, в которое новое являлось, не сленяя старого, и старое и новое дружили друг после друга, не мешая одно другому" (Там же, с.242-243). Творчество Батюшкова осознавалось критиком как момент перехода от "старого" к "новому", обозначившийся не как замена "старого" "новым", а как постепенное "переваривание" "старого".

В этом движении "от... к..." - суть творческой индивидуальности Батюшкова-писателя. Причем, конкретное наполнение этого промежутка указанием начальных и конечных "пунктов" этого движения - "от классицизма к романтизму" (К.Н.Григорьян), "от классицизма к просветительскому реализму" (Г.П.Макогоненко), "от легкой поэзии к романтизму" (П.А.Орлов) и т.д.- оказывается во всех случаях недостаточным, ибо ни одна из приведенных формул не охватывает всех этапов эволюции поэта, чрезвычайно стремительной и "свернутой". Если пользоваться привычными обозначениями, то на первом этапе творчества (1805-1809) или Батюшкова было характерно преимущест-

венное движение "от классицизма"; не втором (1810-1814) - от "легкой поэзии", на третьем (1815-1817) - от романтического "демирья" и т.д.; те же устремления, которые условно можно назвать "реалистическими", периодически появляются в произведениях как ранних, так и более поздних. Сами же "переходы" Батюшкова совершаются причудливо, скачкообразно, с многочисленными "возвратами", что называется, "с оглядкой" - и никак не укладываются в привычное представление об эволюции как процессе плавного накопления изменений.

Как указывал В.И.Кенин, "...жизнь и развитие в природе включают в себя и медленную эволюцию, и быстрые скачки, перерывы постепенности" (ПСС, т.20, с.66). Подобные "перерывы постепенности" стали организующим началом постоянных изменений Батюшкова-художника. Скачкообразный характер развития творческой индивидуальности Батюшкова наложил отпечаток и на характер его переходности, которая не может быть устойчиво заключена в привычные обозначения начального и конечного пункта этого перехода. "Движение", промозгленькое Батюшковы в качестве основной характеристики поэтического развития его времени ("Речь о влиянии легкой поэзии на язык"), при отсутствии устойчивых изначальных художественных ориентаций, создавало пречельно широкие возможности для постоянной недокументированности, для существования в пределах "от... и...".

Что определило существо переходности Батюшкова - присутствует в частных определениях его места в русской литературе и в "предтече Пушкина", - определенных, фактически создавших репутацию Батюшкова как своего рода "несостоявшегося Пушкина", чья историко-литературная роль заключалась в подготовке явления "солнце русской поэзии". В этом смысле главным в творческой направленности Батюшкова оказывается опять-таки момент перехода: "от до-Пушкина к Пушкину". "Художественная деятельность Батюшкова, - писал Л.Н.Майков, - представляет собой счастливые начатки того, что получило полное осуществление в деятельности гениального Пушкина" (Майков Л.Н.-Батюшков, его жизнь и сочинения. Изд. 2-e.- СПб., 1896, с.240).

Однако и этот аспект истолкования переходности Батюшкова оказывается штусмысленным. Вольно или невольно (как поштетил А.Л.Зорин) он сводит на нет собственные поэтические достижения Батюшкова: зачем горевать о поэте, так рано ушедшем из литературы, если Пушкин состоялся и осознал как конечный момент "перехода"? Так ду-

тем, самоценность Батышкова вовсе не сводится к тому, что он готовил "явление Пушкина" - условно говоря, Батышков "готовил" и многие последующие литературные достижения.

Поэтому в обозначении конкретных границ переходности Батышкова-писателя мы вынуждены ограничиться теми общими категориями, которые наметил еще Белинский: в условиях литературы первой четверти XIX в. Батышков разыгрывался "от старого к новому", не разрушая "старого". Но те элементы "нового", которые открытым своим творчеством, воплотились нынешними у Пушкина, Лермонтова, Грибоедова, Толстого - в крупнейших достижениях русской классики.

Л.А.Орекова

"ОТРЫВОК ИЗ ПИСЕМ РУССКОГО ОФИЦЕРА О ФИНЛЯНДИИ" БАТИШКОВА ПРОБЛЕМА ЖАНРОВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

"Огрызок..." Батышкова появился в печати в 1810 г., в период бурного развития прозы "путешествий", начало которой одни исследователи датируют 1772 г. (Т.Роболи - Русская проза.-Л., 1926; с. 42), другие - выходом в свет "Писем русского путешественника" Н.М. Карачинина (Е.Ильинича - Местник Моск.унта, серия филология, 1979, № 3, с.6). Так или иначе, "путешествие" к этому времени было уже достаточно освоенным жанром, количественно превзошедшим даже "чувствительную" повесть. Об известной канонизации этого жанра красноречиво свидетельствовали многочисленные пародии на "путешествие", подчёркивавшие его признаки: форма послания к другу, посыпаны, общирные предисловия, орнаментальность, включение в структуру извеществования стихов, новелл, даже анекдотов.

Батышковский "Отрывок..." называнием своим подготавливал читателя к восприятию "путешествия". Но вряд ли бы он вызвал столь поборолательные отзывы современников, у которых заслужила славу лучшего прозаического произведения Батышкова, если бы действительно соответствовала жанровому ожиданию. Отрывок существенно отличается от привычной путевой прозы.

Как правило, автор "путешествия" создавая сюжет своего произведения в соответствии с избранным маршрутом, - притом свободно избранным (свобода автора - необходимое условие "путешествий"). Сюжетом "по маршруту", с соединением хронологии встреч, Батышков вполне владел ("Путешествие в замок Сирен"). Но и "отрывок..."

речь идет не о путешествиями, а о минувшем и довольно длительном пребывании автора в Финляндии в составе русских войск, "в бурное военное время" (1808-1809 гг.).

Автор указывает, что "видел финляндию от берегов Кимена до шумной улеси", но строит рассказ не на описание пространств, а на наблюдениях над "белой и угромой" природом края в разное время года, суток, при разных погодных условиях, на раздумьях о прошлом и настоящем страны, о людях, которые и здесь "могут находить счастье".

Исследователи уже отмечали мастерство Батюшкова-пейзажиста в "Отрывке...", монументальность и реалистичность его картин (Н.В. Фричман). Сюда следует добавить и стремление Батюшкова добиться максимального читательского сопереживания, особого романтического настроя при выше "суперой и ликой природы" (сверхзвезда для обычного "путешествия"). Этому способствуют многочисленные обращения к прологу (читателю): "ни лишь ли, иск ома (вода - Л.О.) ценится? Слышишь ли, с каким глухим и протяжным шумом разбивается о гранитные скалы, которые несколько веков презирают порыв бурь и ярость волн?.. Погляди пакже: отнь небесный или неутомима рука пахаря заложил сей бор?..."

"Отрывок... не несет значительного этнографического и историко-культурного материала о Финляндии: давно забытыны фактические ошибки, неточность отдельных описаний и т.п. Но для современников Батюшкова это было не так уж важно (в отличие, например, от людей 40-50-х годов: вспомним полемику вокруг "Писем об Испании" В.Д. Ефремова). важно было, что автор сумел нарисовать романтически блестящую картину древней земли. Не случайно при первой публикации в "Вестнике Европы" (1810, ч. 50, № 8) произведение называлось "Картина Финляндии. Отрывок из писем русского офицера".

Глубинной поэтической силе "Отрывка..." и философской значимости его способствует сокращение разных временных пластов в повествовании. условно-смысловое время рассчитано на первое читательское восприятие: автор-герой пишет письмо к другу, зачарованно оглядывая пали, поймав конкретные детали обстановки (ратный стан, ружья, сломанные пирамиды и т.п.). Но ощущение сиюминутности исчезает в описании гор, озер, бора. Здесь мы включаемся в сферу, так сказать, авторского времени - именно многократные авторские наблюдения положены в основу, обобщившей картины Финляндии. "Здесь лето продолжается не более шести недель, бури и непогоды царствуют в

текущие девяти месяцах, осень ужасная, и самая весна нерешко приносит вид мрачной осени; куда ни обратишь взоры - везде, мгнице встречаешь или щепы, или камни... В конце апреля начинается осень: снег тает поспешно, и источники, образованные им на горах, с шумом и пеной низвергается в сизара..." Повторяемость выделенного подчеркивается истолкованием глаголов настоящего времени.

Вдруг погод "тес" - изменяется к времена глагола для обозначения множества "они ходящего": "ветер появлялся с севера, и поверхность синного озера пробудилась, как от сна!.." Но и это не было не раз; автор знает, что будет дальше, - и вновь появляются глаголы настоящего времени; "Соседние леса повторяют голос бури, и вся природа является в ужасном расстроистве. Сии страшные явления напоминают мне мрачную мифологию скандинавов, которым божество явилось почти всегда в гневе, карающим слабое человечество".

Незаметно и органично произошло переключение авторского времени на историческое: взгляды глубин веков, прислонение перед "улрами, непобедимыми сыными первобытной природы", что "неселями сил пещера, питались мясом зверей и полегали пределом блаженства удачи на охоте или победу над врагом..."

Историческое воспоминание рождает настроение особой торжественности, и автор вдруг отделяет себя от поэта, который "любит мечтать о временах протекших и погружаться мыслями в омы лени возвращения, великолужия и слади..." Давленный в повествование образ поэта-романтика показывает, что "и под сурным небом племенное воображение создавало себе новый мир и украшало его прелестными вымыслами". Романтический слух поэта способен улавливать далекий голос эпохи (Он слышит скальда глас,/ Прерывистый и томный...), но ему не дано соыслють страшную лисгармонию, привнесенную войной: "причастные полков" в лес, "хранившим безмолвие... от сознания и яра", "слыши побед наших и слыши ликов, давно протекших". И потому с новой силой звучит голос автора - полный растерянности и печали: "Здесь мы победили; но целие рязи храбрых легли, и вот их могилы!.. Этот ряд русских могил в стражах чумых, отдаленных от родины, кажется, говорит мимоидущему юноше: и тебя ожидает победа - и смерть!" Это уже голос современника, страдавшего при виде разрушенных картин мира: "...Снаряды воинский блеск мирной кущи сельянин... Резительная противоположность!". Так лирическая разьюенность (автор и поэт) помогает острее почувствовать трагичность темы.

Как видим, в замысле "Отрывок..." нес не только знакомство со страной, "самой Гибралтарской морю", но и безоглядно отчаянное (весь есть протест!) мысли Батышкова о войне. Батышковские "тоски пущи и ее порывы к бесконечному" (Белинский, ШС, т.7, с.243) определили сокращение и поэтику "Отрыва..." вот почему его предпочтительней называть (подобно "Умирающему Тассу" или "На развалинах замка в Швеции") "исторической, или эпической, элегией" (Белинский, там же, с.244). Элегия в прозе вместо путевого очерка. Это было неожиданно для современников. в признании которых сказалось однозначное интуитивное, но не до конца осознанное, новаторство Батышкова, поэта в прозе.

А.Д.Яновский

К.Н.БАТИШКОВ И Н.Н.РАЕВСКИЙ

(Новые документальные същественства о сражении при Салтановке)

в 1949 г. Государственный Исторический музей (ГИМ) приобрел у П.С.Котляревской архив ее родственницы, фрейлины Варвары Николаевны Репниной-Волконской (1808-1891), дочери крупного дипломата и государственного деятеля, героя Отечественной войны 1812 г., генерала от кавалерии князя Н.Г.Репнина-Волконского. Младший брат Николая Григорьевича - С.Г.Волконский, один из лидеров декабристского движения, зять прославленного генерала Н.Н.Раевского, которому В.Н.Репнина-Волконская приходилась внучатой племянницей.

К числу документальных реликвий этого архива относятся и переписка генерала Н.Н.Раевского. Наибольший интерес представляют 16 писем генерала к жене, С.А.Раевской, 4 письма к падре, А.Н.Семилову, и письмо к сестре, Е.А.Константиновой. Все эти 23 письма, датируемые мартом 1812 - мартом 1814 гг. не публиковались.

В этих письмах, в частности, отразился эпизод, ставший предметом многих споров и суждений - сражение при Салтановке II/23 июля 1812 г., в котором генерал Н.Н.Раевский участвовал вместе со своими сыновьями: 16-летним Александром и 10-летним Николаем. В этом бою 17-й пехотный корпус Раевского, усиленный двумя французскими полками генерал-майора К.К.Сиверса (общая численность русских войск - 15 тыс.чел.), противостоял 28-тысячному корпусу одного из лучших наполеоновских маршалов Л.-Н.Лаву. Боевой задачей генерал-лейтенанта Н.Н.Раевского было задержать французов и

дать возможность Ц-и Западной армии П.И.Багратиона переправиться через Днепр и выйти на соединение с I-й Западной армией М.Б.Барклай-де-Толли. В самый решительный момент сражения, когда солдаты корпуса Раевского прогнули, он сам во главе колонны Смоленского пехотного полка, поставив рядом двух сыновей, Александра и Николая, повел основные силы своего корпуса в атаку, мощь которой противник не выдержал и вынужден был отступить. При этом Александр нес полковое знамя, под飞扬ное из рук убитого заменосца.

Указанные факты подтверждаются письмом Н.Н.Раевского к жене от 15 июля 1812 г., в котором генерал так описывал поведение сыновей в бою: "Александр сделался известен всей армии, он далеко пошел ... Николай, находившийся в самом сильном огне, лишь шутки. Его штаны были прорваны пулей, я вам их отсыпал. Этот мальчик не будет заурядностью" (ОПИ ГИМ, ф.160, ед. хр. 261, лл. 24-25). Примерно то же самое писал Раевский и к сестре жены Е.А.Константиновой 22 июля 1812 г. (Русская старина, 1874, т.9, с.766-767; Архив Раевских, т.1-2 СПб., 1906, с.154-155 /на франц.яз./).

Повсегдя генерала Раевского с сыновьями блокновали многих писателей, поэтом, художников. О нем писали и говорили в разное время родные и близкие друзья Раевского: его дядя А.Н.Самойлов, внук Н.Ч.Орлова, зять С.Г.Волконский, dochь М.Н.Волконская, двоюродный брат Д.В.Давыдов, поэты В.А.Луковский, А.С.Пушкин, В.Ф.Раевский, военные историки, участники войны 1812 г. А.И.Михайловский-Давыдовский и друг семьи Раевских И.П.Липранди, очевидец и участник боя под Салтыковкой А.П.Бутенев.

Однако в мае 1817 г. поэт К.Н.Батырев, служивший с августа 1813 г. адъютантом Раевского, выступил с неожиданным свидетельством: в январе-феврале 1814 г. генерал Раевский, находясь в эльзасе, признался ему в одной из бесед, что участие его сыновей в боях под Салтыковкой есть не что иное, как посужий вымысел и романтическая сказка "журналистов" и "курьёлистов".

Показание Батырева породило множество сомнений и споров (оно было впервые опубликовано в 1885 г.). Так, выдающийся военный историк М.И.Богданович в трехтомной "Истории Отечественной войны 1812 года" предпочел обойти этот эпизод молчанием. Немало скептиков на этот счет остается и поняне. Мы полагаем, что процитированное выше свидетельство из письма Раевского к жене, как и опубликованное его письмо к Е.А.Константиновой являются постаточно-

убедительными доказательствами участия братьев А.Н. и Н.Н. Раевских в Салтановском сражении. Кроме того, единогубровский брат Н.Н. Раевского-старшего, много раз делавший с ним трунности походной жизни, бывший пехирист В.Л. Давыдов в одном из писем Раевских к жене и матери собственоручно приписал такие слова: "Я прошу моих дорогих племянниц и героя Салтановки вспоминать времена от времени их я до и обнимая их от всего сердца" (ДИМ ГИМ, ф.160, ед. хр.261, л.34 об.) Пол "героем Салтановки" здесь подразумевается младший сын генерала Раевского Николай, который еще 15 июля 1812 г. был отправлен к матери и сестрам в Каменку (именно Раевских в Киевской губернии).

Однако, чтобы окончательно расставить все точки над *ি*, приведем еще одно доказательство. В конце письма к Е.А. Константиновой генерал Раевский заметил, что Александр и Николай "оба были повышены в чинах" (Архив Раевских, т.1, с.154-155). Но если в формулярном списке А.Н. Раевского и этот счет имеется вполне определенный запись, гласящая, что он участвовал в сражении "При Форле при селении Салтановке", за что 4 августа 1812 г. был произведен в подпоручики (там же, с.163), то в формуляре младшего брата о Салтановке нет ни слова. нам удалось найти в ГИМ чрезвычайно интересное дело: "Документы, переданные в канцелярию Чузея 1812 года из канцелярии Московского генерал-губернатора". Здесь в разделе о награждении за отличия при деревне Салтановке в перечне младших офицеров дважды записана фамилия "Раевский" и в обоих случаях против нее значится: "Повышен в чине" (ДИМ ГИМ, ф.160, оп.1, ед. хр.231, л.33). Это документальное свидетельство, думается, должно стать уже исчерпывающим в цепи доказательств участия обоих сыновей Раевского в бою под Салтановкой.

Разумеется, все эти доказательства не ставят целью заподозрить К.Н. Батюшкова во лжи или намеренной фальсификации. Можно не сомневаться, что разговор между ним и Н.Н. Раевским действительно происходил и носил примерно такой характер, как об этом рассказывает Батюшков. Из писем генерала Раевского четко выраживается вся его сложная, противоречивая, всевличивая натура. Иногда в состоянии азотии, в порыве недовольства или гнева этот человек мог отрицать или оспаривать очевидные истины, несправедливоругать честных и порядочных людей. Поэтому причину, побудившую Н.Н. Раевского отрицать факт участия сыновей в сражении под Салтановкой коренились, скорее всего, в нем самом и были весьма

субъективны. Ведь и сам Батышков, проведший с Раевским почти II месяца, писал о нем следующее: "Он молчалив, скромен отчасти, скрыт, недоверчив... у него есть большие слабости и великие юные качества... Раевский славный воин и иногда хороший человек - иногда очень странный".

М.И.Качурин

К.Н.БАТЫШКОВ И Л.Н.ТОЛСТОЙ

(Проблема преемственности художественных позиций)

Сопоставление этих двух имен в связи с идеею литературной преемственности может показаться беспочвенным. Не говоря уже о том, что в данном случае не могло быть личных встреч, Батышков менее всего интересовал Толстого среди писателей предшествующих поколений. В громадном массиве толстовских произведений, дневников, писем Батышков упомянут всего однажды, причем попутно, в ситуации, которая несылаеться о внимании именно к нему. В материалах к "декабристам" имеется перечень "изменитых живых писателей" того времени, к которому относится молодость героя романа, и там, между И.И.Дмитриевым и А.Л.Пушкиным, назван Батышков (Толстой Л.Н. ПСС (ъб.), т.17, с.459).

Тем удивительнее факт, что " дух Батышкова" не только присутствует в толстовской эпохе, но, кажется, незримо формирует авторскую позицию, авторскую взгляд человека на историю.

Мне уже довелось говорить о поразительной близости анекдотов об Н.Н.Раевском из батышковской записной книжки "Чужое: мое сокровище!" с размышлениями Николая Ростова в момент, когда он услышал о попытке генерала и его сыновей на Салтановской плоскости (См.: Тезисы докладов к научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения К.Н.Батышкова.- Вологда, 1987, с.30-32). Но поразительна не только эта частная деталь: вся толстовская эпоха пронизана идеей естественности в поведении человека и в словесном изображении его помыслов и поступков - идей, которая была выгнана Батышковым и так убедительно реализована им в анекдотах и заметках на страницах записной книжки.

С этой точки зрения проза Батышкова вообще выглядит несомненно преемственником прозы Толстого.

Преисположение о том, что Толстой мог читать "чужое: мое скрощенное!", представляется невероятным: записная книжка Батюшкова была опубликована лишь в середине 1880-х годов. Правда, Толстой во второй половине 50-х гг. был у Д.Н.Блудова, в молодости - основателя "Арзамаса", одного из близких друзей Батюшкова, а в ту пору - крупного государственного деятеля (см.: Гольденвейзер А.Б. Влияние Толстого. - М., 1959, с.131). Но даже если Толстой слышал от Блудова что-то из батюшковских устных рассказов, это не может объяснить несомненной близости художественных воззрений писателей двух разных поколений. Перед нами проявление известной закономерности: наследования художественного сознания во всей его сложности, динамичной целостности. В этом движении важнейшее значение приобретают кризисные эпохи, когда пересматриваются социальные, этические, эстетические традиции (в данном случае - Отечественная война 1812 г. и Крымская кампания 1853-55 г.).

Вместе с тем, "сродство" художников разных поколений при яном отсутствии прямых контактов и очевидном своеобразии каждого из них может быть породлено и типологической общностью их характеров, что в случае с Батюшковым и Толстым прослеживается довольно отчетливо.

А.В.Лукановский
ПЕРВЫЕ РУССКИЕ РАССКАЗЫ

В конце XVIII - начале XIX в. в русской литературе началось активное развитие прозы, в частности, повести (сказки). Повесть считалось произведение, содержащее одно происшествие. Дальнейшее развитие малои прозы привело к выделению в середине 1820-х гг. новой жанровой формы - рассказа, тоже основанного на изображении одного события. возникла необходимость размежевания повести и рассказа. В конце 1820-х гг. появились первые теоретические работы, выявляющие специфику рассказа и его отличие от повести. Ставление же самого жанра шло по трем линиям: 1) выделение особой формы "самого рассказа" (определение К.А.Полевого); 2) пересечение анекдота в рассказ-новеллу; 3) отделение повести от рассказа

"Самый рассказ" был представлен произведениями А.Бестужева, О.Сомова, Е.Алданыши и ряда других авторов (произведения, самими авторами называемые рассказами). Первым это жанровое определение

употребил А.И.Бестужев в 1825 г., назвав "рассказом" свое произведение "Кровь за кровь"(алы."Выездочка"). Слово "рассказ" не трепчалось в ползаголовках и раные, но обозначало сино не жанр, а форму подачи материала: рассказ как устное повествование о неком-либо прошествии (Ф.Булгарин "Смерть Долматинского", 1823).

"Кровь за кровь" состоит из двух композиционных частей - ситуация рассказывания и "самого рассказа". Ситуация рассказывания объясняет, как возникла потребность в рассказе, кто, кому и при каких обстоятельствах рассказывал. Последняя фраза ситуации рассказывания передавала слово рассказчику. Рассказ персонажа спаслен от ситуации рассказывания фамилием автора и интервалом: он начат с красной строки и оформлен как прямая речь. Вот факт, что между ситуацией рассказывания и рассказом персонажа стоит фамилия автора, говорит за то, что собственно произведением А.Бестужева считал "самый рассказ" персонажа.

Произведения с такой композицией не были совершенными новыми в русской литературе,- но в середине 1820-х гг. стали выделяться в заметную группу. Особое внимание читателей и критики привлекли "рассказы путешественника" О.Сомова: опираясь на них, Кс.Полевой и др. первое определение рассказа. По мнению критика, ряд поэтичесловательных произведений в конце 1820-х гг. включал роман, повесть и рассказ. К последним относятся такие произведения, в которых "все составляет самим рассказ". Мотивы выделения этого жанра объясняются тем, что рассказы "всегда заключают в себе... новый, оригинальный взгляд на предмет рассказа, следственно, составляют акт познания, удовлетворяющий читателя новостью пути, коим коснется автор своей цели". Ситуация рассказывания, фигура рассказчика, наличие "самого рассказа" были признаками становления новой повествовательной формы, "стабилизации жанра"(Ю.Гинянов). Появление произведений с этими признаками и заставило говорить о возникновении жанра рассказа.

Вскоре после выделения рассказа стало ощущаться противоречие в его структуре: с одной стороны, она была нацелена на обозрение реальных событий действительности, с другой - включала условленную ситуацию рассказывания, создаваемую почти всегда по одной схеме. В этом плане выделяется рассказ О.Сомова "Кикимора. Рассказ русского крестьянина на большой дороге"(1828). Он показывает, что как только автор попытался представить другой или иного

мир, ему пришлось спланировать ситуацию рассказывания более жизнеподобной, определить свое отношение к рассказанной историч и к рассказчику. Возникла дистанция между автором-псевдописателем и рассказчиком. Эта особенность сюжетного рассказа развита А.С.Пушкиным в "Повестях Белкина".

Рассказ-новелла развивалась из анекдота-примечания; промежуточным звеном в этом линии был литературный анекдот, весьма распространенный в 1820-х гг. Ценным качеством анекдота в аспекте развития рассказа было то, что он обращал внимание на факт и факт как характер. Но сам характер понимался в нем абстрактно (лобролетель - порок), без связи с конкретным временем. (Преувеличивающим моментом в данном случае оказались "Повести Белкина" А. С. Пушкина, где факт стал признаком изменяющейся жизни, а анекдот превратился в рассказ-новеллу. Литературный анекдот мог быть преображен и в "самый рассказ" (О.Сомов "Странный поединок").

Примерно с середины 1820-х гг. русская повесть начала укрупняться, изображать несколько конфликтных ситуаций и несколько событий (А.Бестужев "Замок Нейгаузен", "Ревельский турнир", "Изменник"; О.Сомов "Гаиламак", Я.Погорельским "Монастырка" и др.). В связи с этим ускорилось размежевание повести и рассказа, а также возникла оппозиция понятий "повесть" - "сказка", еще в начале 1820-х гг. бывших синонимичными. (А.Погорельский подчеркнул в "Двойнике": "Я писал сказки - маленькие повести"). До начала 1820-х гг. повесть определяли как произведение, содержащее одно происшествие (Н.Ф. Остолопов); во второй половине 1820-х гг. такое произведение некоторыми писателями стало называться "сказкой", а за укрупняющейся формой сохранилось наименование "повесть". Писатели и критики, придерживавшиеся традиционной точки зрения (М.Погодин, А.Глаголев, Я.Кошанский) предпочитали все-таки объединять "алук" и среднюю форму одним называнием "повесть". Добоицко столкнули традицию и тенденцию Пушкина: он назвал цикл "Повести Белкина" - в письмах же именовал свою произведения "сказками" (повести Белкина - но сказки Пушкина!). Постепенно за формой "маленькой" повести (в основе которых - изображение одной конфликтной ситуации) закрепилось название "рассказ", даже и в том случае, когда оно не содержит "самого рассказа" (А.Глебов "Сельская ярмарка", В.Одоевский "Импровизатор", "Быль" неизвестного автора и др.).

В конце 1820-х - начале 1830-х гг. "самый рассказ" стал наибо-

лее популярной разновидностью из трех, рассмотренных выше ("св-
мый рассказ", рассказ-новелла и "маленькая" повесть). Это обсто-
ятельство обусловило перенос наименования "рассказ" на произве-
дения других разновидностей.

А.Е.НОВИКОВ

ПОВЕСТЬ О.И.СЕНКОВСКОГО "НЕЗНАКОМКА" И ТРАДИЦИИ
РУССКОЙ САТИРИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ

Оскар Иванович Сенковский (Барон Брамбес) (1800-1858) - одна из оригинальнейших фигур русской литературы и журналистики первом половины XIX в. Он вошел в историю литературы как редактор журнале "Библиотека для чтения", как критик (противник Гоголя и Пушкина) и как автор целого ряда художественных произведений, до сих пор не оцененных по достоинству ("фантастические путешествия Барона Брамбеса", "Турецкая цыганка", "Петербургские крепы", "Похищение одной ревизской думы" и пр.). Предмет нашего сообщения - его повесть "незнакомка" (1832), открывшая знаменитый симп "тижни альманах "Номоселье" (СПб., 1833).

Повесть "Незнакомка" традиционно считается вариацией на тему произведением французского писателя и журналиста Е.Данена. Это, однако, не совсем так: Сенковский здесь достаточно оригинален и в повествовании своем не ограничивается только французским влиянием. Его остроумная и ироничная манера изложения опирается на многие традиции, в том числе и на отечественные.

По нашему мнению, основной традицией, активно использовавшейся Сенковским-повествователем, стала традиция русской сатирической прозы XVIII в., наиболее ярко представленная в журналистике и беллетристике 1770-1780-х гг. (произведения Н.И.Новикова, И.А.Крылова, Ф.-А.Эмина, Н.И.Страхова, И.Д.Чулкова, Н.Г.Курганова и др.). Именно здесь получили развитие традиционные жанры и формы сатирико-пушкинистической прозы, использованные Сенковским: сатирические малюги, пародийные "пьесы", "лечебники" и т.п., сатирико-утопические "сыны". Объединяющие черты этих жанров, как очертанные, так и жанрово-стилистические, были активно использованы Сенковским. Сближает его произведения с прозой XVIII в. и ориентация на полемику (в том числе литературную), присутствие "второго", пародического смысла, обилие комических ситуаций, иронических вы-

полов с определенным "полтекстом", живой разговорный стиль и, конечно, такой прием, как непосредственное обращение к читателю, живой диалог с ним.

В покадле прослеживается соответствие элементов сатирической прозы ХУШ в. прозе Сенковского на материале лишь одной, разной, его повести.

Р.Г.Назарян

ТВОРЧЕСТВО К.Н.БАТЮШКОВА В ОЦЕНКЕ В.К.КОХЕЛЬБЕКЕРА

Знакомство Кохельбекера с поэзией Батюшкова состоялось в первой половине 1810-х гг., в период бурной литературной полемики "классиков" и "романтиков", "Арзамаса" и "Беседы", "шишковистов" и "карамзинистов". Полемика в языке и о судьбах отечественной словесности захватила широкие слои русской интеллигенции. Не осталася в стороне и Царскосельский лицей, воспитанники которого без оговорок приняли сторону "карамзинистов". Елье ли не все лицейские поэты были почитателями Буковского и Батюшкова, с именами которых связывалось само появление "новой школы" русской поэзии (А.Бестужев). В лицее царил подлинный культ элегической музы.

Принятый в лицей после окончания немецкого учебного заведения в Лифляндии, Кохельбекер отнюдь не был ориентирован на новейшую поэзию. Его кумирами были Кюшток и Гете, французская же эпопея "легкой поэзии" оставляла его равнодушным. Однако влияние лицеистского окружения было весьма сильным — Кохельбекер постепенно становится в ряды приверженцев "новой школы". С знакомством его с произведениями Батюшкова сдвигательствует лицейский "Словарь" (1815-1817), в котором встречаются цитаты из произведений "Парни Русского". Да и сами стихи молодого Кохельбекера несут на себе явную печать подражания Буковскому и Батюшкову. Уже в первой своей критической работе "Взгляд на нынешнее состояние русской словесности" (1817) Кохельбекер восторженно отзывается о Буковском, переменившем не только форму русской поэзии, но и привившем "германический дух" русскому языку.

В статье "Взгляд на текущую словесность" (1820) Кохельбекер, оценивая стихи П.А.Катенина, сопоставляет их с высокими образами — сочинениями Буковского и Батюшкова (стихи Катенина могли бы "принести честь тому и другому"). Напротив, стихи П.А.Плетнева,

по мнению критика, хороши только тогда, когда поэт стремится быть оригинальным, выходит "из толпы подражателей Батюшкова и Духовского". Батюшков уже входит в круг почитаемых сириотворцов, становится в глазах Юхельбекера тем, чьими "трудами" очищен "слог новейшей поэзии".

В рецензии на книгу С.С.Уварова и К.Н.Батюшкова "О греческой антологии" ("Сын отечества", 1820, ч.62, № 23, с.145-151) Юхельбекер оценивает как ее теоретическую часть, так и переводы. "При-
страстный любитель всего правдивого", он поначалу высказывает сожаление, что переводчик не сохранил размеры греческих поэтических поэтических поэтов, но обаяние прочитанных стихов оказалось столь велико, что "пре-
лестные, исполненные гармонии языка заставили... совершенно забыть о сем недостатке". Наслаждаясь "удивительным искусством в образо-
вании и сохранении пийтического перлода", совершенством в просо-
дии, Юхельбекер пытается угадать переводчика (имя Батюшкова не было обозначено). Столь совершенные стихи, считает он, могут при-
належать только двум из "лучших поэтов" России - "Батюшкову и
молодому певцу Руслану". Колеблясь в выборе ("Кого из обоих бла-
годарить за подарок, сделанный русской сиюсности пересадкою
сих душистых, прекрасных греческих цветов в русскую землю"), автор рецензии, тем не менее, делает безошибочное заключение:
"...признаемся однако же, что... по некоторым приметам, в коих не можем отдать отчета, мы склонны приписать сии переводы Батюшкову,
- многие стихи напоминают его образ выражаться". Предлагая чита-
телю одну из переведенных эпиграмм, рецензент обнаруживает в ней "глубокое чувство новейшей элегии, соединенное с той живостью,
тою полнотою, которыми руководствуются даже унылые произведения
греков. Сие слияние составляет характер поэзии эпиграмматика Да-
вла, характер поэзии итальянцев и цитомца их, Батюшкова".

В 1820-21 гг. Юхельбекер предпринял путешествие по Западной Европе, во время которого познакомился с известными литераторами Франции и Германии. Рассказывая в путевых заметках о встрече с немецким поэтом И.А.Гилде, он заметил, что "должен был перевести для него несколько стихотворений Батюшкова и Пушкина; он хочет их перевлечь и поместить в журнале..." ("Путешествие", письмо ХУТ от 20 октября/1 ноября 1820). Посетив картинную галерею, Юхельбекер любуется картиной Гвидо Рени "Афродита", на которой бодяня наслаждаются изображены вместе с сыном,- и при этом вспомина-

ет стих Батюшкова: "Киприла и Эрот, мучители сердец!" На пограничном мосту, разделяющем Германию и Францию, ему вспоминается "Переход через Рейн": "... зеленые воды Рейна шумели у ног наиз; утро было ясно, тепло и тихо; отзывы прекрасного стихотворения Батюшкова... откались в глубине души моей". (Заметим, что Пушкин также считал "переход через Рейн" "лучшей элегией" Батюшкова). Еще однажды на страницах "Путешествия" упомянутое имя поэта - в письме из Ниццы (24 февраля/6 марта 1821) автор, повествуя о своем временнпрепровождении, сообщает, что во вечерем он "перечитывает сотни раз Батюшкова, Дмитрева, Державина..."

Прокопит несколько лет - и отношение Юхельбекера к недавнему кумиру меняется. Это связано с изменением литературно-эстетических позиций самого декабристского поэта и критика, происшедшем под влиянием А.С.Грибоедова (с которым Юхельбекер облизился в 1821-22 гг. на Кавказе), который был литературным противником Батюшкова и элегической поэзии вообще. "Переоценка ценностей" с наибольшей остротой оказалась в статьях Юхельбекара, выступившего против романтиков "кирамзинской" ориентации. доказывая, что элегии и послания изжили себя и ратуя за приоритет одического жанра, критик утверждал, что "вина" за подражательный дух русской словесности ложится на Жуковского и Батюшкова, этих, по его мнению, "многих романтиков".

В статье "О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие" (1824) Юхельбекер пишет: "Батюшков взял себе в образец двух пгтмцев французской словесности - Шарни и Мильвуда. Жуковский и Батюшков на время стали корифеями наших стихотворцев и особенно той школы, которую ныне выдаст нам за романтическую". Однако несмотря на категоричность суждений, Юхельбекер вовсе не отказывал этим поэтам в таланте. В статье "Реаговор с Булгариным (1824) он называл Жуковского и Батюшкова "великими писателями, делающими честь нашему веку".

Несколько упоминаний с Батюшкове содержат "Дневник", который Юхельбекер вел в период крепостного заключения и ссылки. Декабрист, перечитывая старые номера журнала "Сын Отечества", отмечает, что с большим удовольствием прочел статью Батюшкова "Письмо к И.-М.-М.-А. о сочинениях г. Муравьева, изданных по его кончине", а другая его работа - "Нечто о морали, основанной на философии и религии" - вообще "принадлежит к лучшим в сем роде на

русском языке". Хотя и не все в этой статье нравится Юхельбекеру (например, слишком строг, по его мнению, приговор Батюшкова И.И.Руссо), он отмечает ее несомненные достоинства.

В дневниковой записи от 26 апреля 1834 г. Батюшкову посыпан целый абзац: "Fiat justitia et pereat mundus! (Да свершится справедливость и да погибнет мир! /лат./) Хотя и жаль, а должно же, наконец, сказать, что Батюшков вовсе не заслуживает громких похвал за "Умирающего Тасса", какими каламы ему за это стихотворение, когда он еще здравствовал. И какими еще и поныне, например в "Телеграфе", калят за одно его памяти."Умирающий Тасс" - перевод с французского; подлинник охотники могут отыскать в французском "Альманахе муз" 90-х годов; автор - женщина".

Это указание Юхельбекера проверялось "охотниками" - но французский оригинал "умирающего Тасса" отыскан не был. В архиве Пенкабриста сохранилась записанная прозой часть французского перевода элегии Батюшкова (не есть ли это отрывок из ненайденного французского оригинала?) Случайность ли это? Или память подвела Юхельбекера? Однозначного ответа пока нет, но есть авторитетное суждение Пушкина (которое, возможно, было подсказано тем же Юхельбекером), - запись на полях 2-й части "Опытов..." Батюшкова: "Эта элегия, конечно, ниже своей славы... не видя элегии, давшей Батюшкову повод к своему стихотворению, но сравните "Сетования Тасса" поэта Байрона с сим тоющим произведением. Тасс дышал любовью и всеми страсти, а здесь, кроме славолюбия и добродушия, ничего не видно. Это - умирающий дасилий Львович, а не Торквато" (Пушкин, ПС, т.12, с.283).

Творчество Батюшкова - явление незаурядное в русской словесности первой четверти XIX в. И ценность его заключается не только в художественных творениях поэта, но и в их соотнесенности к проблемам русской культуры. Трактование его творчества современниками, поларность оценок, эволюция критических суждений - все это позволяет глубже проникнуть в сущность русского литературного и культурного процесса.

И.Л.Савкина

ФУНКЦИИ СЕВЕРНОЙ ТЕМЫ В ПОЭЗИИ Ф.Н.ГЛИНКИ "КАРЕЛИЯ"

Активный деятель раннедекабристских организаций Ф.Н.Глинка в 1826 г. был сослан под надзор тайной полиции в Петрозаводск, где

кроме множества лирических стихотворений написал две поэмы - "Девы карельских лесов" и "Карелия".

"Писательное стихотворение" "Карелия или Заточение Марфы Ювеналии Романовой" представляет собой своеобразный вариант русской романтической поэмы. Одним из "ключей" к изучению произведения может быть рассмотрение северной темы в поэме. Некоторые существенные наблюдения по этому вопросу сделаны В.Г.Базановым, но сама проблема заслуживает дальнейшей специальной разработки.

"Карелия" открывается прологом, который становится своеобразной лирической увертюрой. В описании экзотической карельской природы намечены мейтмотивные темы, основные поэтические оппозиции: "Карелия (Север) - Европа", "пустыня, немая глушь" - "цивилизация, блеск культуры". С другой стороны, эти антигомы имеют и другую, руссоистскую трактовку: "естественный, первозданный край" - "сущность города". Кроме того, в прологе подчеркнута величественность, грандиозность ликой северной красоты (здесь очевидны реминисценции из поэзии ХУШЬ). Названные темы получают развитие в двух основных фабульных линиях поэмы.

История затвора, ссылки в карельскую глушь Марфы Романовой и ее спасения с помощью чистых душой "сынов природы" (крестьянин карел Никанор и его дочь сказительница Маша) изложена очень скрупулезно. Этнографические подробности жизни карел, обращение к фольклору (четыре сказки о богатыре Заонеге) развивают тему чистых, праильных душ. Недаром Машинны сказки предварены авторским отступлением о журнальной возне, о сущности светской жизни и т.п.

Историческая линия фабульно связана с рассказом о судьбе монаха-отшельника, где наиболее очевидно обнаруживается связь с традицией романтической поэмы. Необычный герой, трагическая любовь, восточная экзотика, изгнание и бегство - все это достаточно знакомые романтические мотивы (В.Г.Базанов отмечает заимствования из "Рура" Байрона). Тема Севера, Карелии здесь приобретает символический смысл. В странствиях герою представляется выполнение страны счастья и спасения. Карельская пустыня, в которой завершается его путешествие, становится для него и местом изгнания, и добровольно выбранным местом уединения и аскезы.

В описаниях Карелии (в 3-й и особенно в 4-й части) на первый план выходит тема ликом, величественной красоты, библейской первозданности. И в проблематике, и в поэтике здесь ощутима связь

с поэзией Г.Р.Державина и непосредственно - о его карельской опой "Водопад". Такого рода пейзаж предваряет и сопровождает пророческие, философско-религиозные монологи монаха, заставляющие вспомнить об излюбленном Глинкой жанре элегических переложений псалмов и библейских пророчеств. Дар видеть и вещать истину лается монаху лишь тогда, когда "в стране лесной, в клуши пустынной" он становится младенчески чист душой.

Поэма Ф.Глинки завершается традиционными для русской романтической поэмы на местном материале примечаниями, которые выполняют научно-просветительскую функцию, становясь, по выражению В.Г. Базанова, "маленькой энциклопедией и путеводителем по Карелии".

Н.А.Сурков

СЕВЕРНАЯ СТОЛИЦА

И КОНФЛИКТ С МИРОМ В ЖИЗНИ Н.В.ГОГОЛЯ КОНЦА 1820-Х ГГ.

Тема Петербурга, северной столицы России, стала одной из основных в творчестве Гоголя. Но если к Петербургу в творчестве писателя исследователи обращались не раз, то Петербург как реальность особого типа в сознании молодого Гоголя, влиявшая на его взгляды, а затем определившая их перестройку, - не был еще, насколько нам известно, предметом специального рассмотрения.

В литературоведении прочно утвердилось мнение, что Петербург в восприятии Гоголя - это "город зла" (Г.А.Гуковский, М.Б.Храпченко, С.И.Машинский, Г.М.Фриллендер и т.д.). Однако при этом нельзя не учитывать тот факт, что прежде, чем прийти к такому взгляду на Петербург, Гоголю пришлось пережить существенную эволюцию.

Петербург для Гоголя "нежинского периода" был средоточием его высоких помыслов и мечтаний. И если для Гоголя начала 1830-х гг. характерна художественно-идеологическая оппозиция "Украина - Петербург", где Украина олицетворяет норму человеческого бытия, а Петербург - ее искашение и пощание, то для Гоголя конца 1820-х гг. эта оппозиция прямо противоположна (см. письма Гоголя этого периода к М.И.Гоголь, Г.И.Нысоджому, П.И.Косяровскому и др.) Но это требует объяснений.

Мировосприятие Гоголя "нежинского периода" было преимущественно романтическим. Изображением его стала идиома "Гэнц Юхельгартен", в которой выражалось не только романтическое мировосприя-

тие писателя, но и реальное поведение юноши. Тот тип личности, который был изображен в идилии, оказывался личностью образующим и для самого Гоголя. Происходило очень тесное сближение эстетической и внеэстетической реальности, когда действительная жизнь строилась как бы по законам эстетически организованного сюжета романтического типа. Письма Гоголя 1827 г. показывают, что в его поведении, мыслях, мироощущении определяющим началом становился романтически-личностный канон, определивший, в частности, и первоначальное восприятие Петербурга: реальный облик города оказывался слит с его идеальной сущностью (подобно тому, как мысли к чувству самого юноши были слиты с идеальными помыслами романтического героя). В результате этого осознания Петербург превращался в символ неограниченных возможностей и самых радужных надежд. В романтической оппозиции заземленному окружающему Гоголя миру место высокой мечты занимал Петербург и жизнь в нем, а место "низкого" действительности — Нежин.

В конце декабря 1828 г. Гоголь, наконец, прибывает в долгожданный Петербург — и уже первые впечатления переворачивают его бывые представления. Происходит сближение прежних оценок, дававшихся Нежинским "существователям", с теми оценками, которые теперь даются Гоголем Петербургу и петербуржцем. Гоголь перекивает широко известную в литературе ситуацию: столкновение романтической мечты и реальной действительности.

До сих пор не нашел удовлетворительного объяснения важный факт ранней биографии Гоголя — его поездка в Германию (июль — сентябрь 1829). Почему именно в Германию? Почему так неожиданно? дело в том, что Германия в сознании Гоголя конца 1820-х гг. была страной "идеального Шиллера", страной "романтиков". Поэтому бегство в Германию было вполне логичным для писателя: сюда было необходимо прервать в это как своеобразная морально-эстетическая компенсация за те разочарования в собственных романтических иллюзиях, которые принесло столкновение с реальной действительностью Петербурга.

Реальными фактами своей биографии Гоголь предвосхитил широко распространенную в русской литературе 1840-х гг. конфликтную ситуацию: переход юноши-романтика из провинции в Петербург (символ романтических надежд) — затем оголконование с реальным Петербургом. В творчестве Гоголя этот тип конфликта оказался снятым самим столкновением писателя с петербургской действительностью.

"ПУТЕШЕСТВИЯ" XIX НЕКА КАК ИСТОЧНИК
РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

История говоров, в том числе и северных, разработана значительно хуже, чем их современное состояние. Между тем, есть большой пласт текстов, почти не исследованных лингвистами. Это "путешествия" - весьма распространенный жанр в литературе XIX-XIX вв. Многие из книг этого жанра могут служить достаточно надежным лингвистическим источником, поскольку в них, как правило, точно указан и иуть, прошеланныи автором, и время, когда это происходило.

Весьма ценные материалы содержатся в "Дорожном дневнике" М.П. Погодина (ж.: "Москвитинч", 1841-43) и в книге С.П.Шевырева "Поеездка в Кирилло-Белозерский монастырь..." (М., 1850). Их путешествия присходили почти в одно время: Погодин предпринял поездку на Русский Север в 1841 г., Шевырев - в свои "вызационные дни" 1847 г. Маршруты путешествий также близки: оба они побывали в Вологде, Кубенском, Кириллове, Белозерске. Кроме того, Погодин был еще в Галиче и Костроме, а Шевырев - в Шексне, Череповце, Грязовце, Ярославле.

В описаниях этих путешествий зафиксировано большое количество диалектизмов и этнографизмов (с точным указанием местности). Так, Шевырев записывает ряд названий головных уборов: ермобука (мужской головной убор, Грязовец), чебак, сборничек (женские головные уборы, Кубенское). В Череповце его привлекают названия сарафанов: стамедник, марениник. Иногда материалы Погодина и Шевырева пополняют друг друга: первый пишет белозерское название пены на волнах: беляки; второй - белозерское же слово с тем же значением: баданы. В некоторых случаях автора приводят такие диалектные слова, которые отсутствуют в большинстве современных словарей, например, глагол отрыснуть (отплыть в другую сторону от мели, Ярославль). Это слово зафиксировано В.И.Далем, с пометой волк., но с другим значением (отнести к течением с суном).

М.П.Погодин записывает в Галиче слово заява (отруби, сваренные в воде с солью). Близкое значение дано и в Словаре 1867 г. (заявка, хлебная или кормовая, на кипятке приготовленная); есть это существительное и в Словаре Далля (ълтц.: крутая каша из крупно смолоты ржи; нн.: зеленая каша из недозрелой ржи; ряз.: кашица, ра-

змазня, заварика, саламита; шуга, заклешка). Таким образом, в языке XIX в слово заклер имело довольно большой круг значений и было широко распространено. Встречается оно и сейчас, ч частности, в Череповецком районе Золотогорской обл. в разных значениях: каша из ячневой муки (д.Роса), густая масса из муки для ската (ш.Дорки), блюдо из ржаной муки с растительным маслом (д. Пантелеимоновское).

Беседа – сбор для колективного чтения книги. Это значение С.П.Шевырев фиксирует в Грязовце. Такое значение нигде больше не отмечено. В современных говорах это слово чаще всего имеет иное значение: вечеринка, на которую собираются подушки и парни, которые приносят свое угощение. Сейчас в ряде мест Золотогорской области слово беседа и в этом значении ушло, видимо, из активного словаря. В ряде мест используется его синоним посаделки (Шексна, Устюжа, деревни Череповецкого р-на)

Есть у Шевырева и белозерские названия кос: гороуша, стойка. Автор так объясняет причину распространенности городуш: "Они считаются удобными по причине почковатости почвы". То же объяснение находим у Дзляя, который указывает, что оба слова употребляются на Севере и в Сибири. Одно пагелёнки (чулки), зафиксированное Шевыревым в Череповце, употребляется и сейчас с иным значением (чулки без ступни): д.Ново Белозерского р-на, д.Красное Кадуйского р-на. С этим же значением встречается слово пагальта (д.Игнатьево Череповецкого р-на, д.Чубкино Шекснинского р-на) и пагалёночек (д.Магрино Чагодощенского р-на).

Упомянул Шевырев и слово долбец (Кубенское), объяснив его следующим образом: "Избы отличаются обоями устроистством. Под печными полатями все место дустое: оно соединяется со всем нижним этажом, в котором хранят съестные припасы, скотину, мельк муку зимой, эта часть называется долбец". В словарях это слово объясняется по-иному: сруб с крышей, деревянный помост над входом в подполье для лежания и для входа на печь и на полати, полати, подполье. Судя по описанию Шевырева, имеется в виду такая изба, нижняя часть которой высока, а целый второй этаж высоко над землей.

Интерес представляют и ряд других слов. Так, в Кубенском авторы записывают слова грилка (веремка, полка для белья), ногост (рыба мечет икру), саженка (род нарукавников), стремиза (крапива), скотота (хлопоты), чудан (кухня).

В ряде случаев авторы "путешествий" дополняют эти сведения замечаниями о фонетических особенностях говора. Так, Шевырев отмечает наличие цоканья вокруг Череповца: для довожь (для чего), доръяк заскользнет, показай. Что данные подтверждает М.К.Герасимов (Словарь уездного череповецкого говора. 1910). Твердое цоканье по его наблюдениям, "чаще всего встречается в Заболотском приходе Дмитриевской волости, в Николо-Раменском и Зауральском приходах Горской волости, в Моршаком и Муравьевском приходах, в Лотоцком приходе. Кроме того, имеются образцы и мягкого цоканья, характерные для северных волостей, в том числе и Андогском". Кряду с этим Шевырев отмечает и случаи чоканья: сетьче, куричу, чону. Начальный согласный звук "в" переходит в "у": унук, увова; "х" произносится как "ф": дарала (хлорала). На месте древнерусского "ять" под ударением - звук "и": хлиб, стно, мисяц. В районе Череповца Шевырев зафиксировал и некоторые морфологические формы, безусловно, представляющие интерес, например, 2 лицо ед.ч. настоящего и будущего времени глагола: вре (врешь), пронесяй (прокашь).

Таким образом, материалы "путешествий" оказываются весьма серьезным источником для исторической диалектологии: они дают дополнительные сведения для истории того или иного говора, часто такие, которые отсутствуют или мало представлены в словарях.

Д.П.Фесенко

РУССКИЙ СЕВЕР В ТВОРЧЕСТВЕ В.И.ДАЛЯ

Выдающийся знаток фольклора и народного быта В.И.Даль (1801-1872) неоднократно обращался к изучению и изображению жизни русского Севера. Его словарь, который в разной степени является выдающимся лексикографическим и художественным произведением, буквально пестрит указаниями на Архангельский, Вологодский, Вологодский и Монзецкий края. В статье "О наречиях русского языка" (1852) большое внимание уделено характеристике северного наречия, в том числе и череповецкого говора.

Конечно же, основным источником сведений о Русском Севере для Дalia был сам русский народ. К тому же у Дalia имелись и корреспонденты. Так, капитан над Архангельским портом П.Ф.Куамишев в письмах к Дали от 5 декабря 1848 г. и 18 марта 1849 г. сообщал о посылке двух тетрадей с текстами архангельских песен; причем, вто-

рая тетраль принадлежала инспектору местной гимназии И.А. Никольскому (см.: Савва В.И.-П.Ф. Кузмищев, корреспондент Р.И. Даля.—Киев, 1908, с.42-44). Надо полагать, таких корреспондентов было немало. Поэтому вполне естественно в рассказе Даля "Две бывальщины" возникает заискивание в Архангельской губернии сюжет об Иване Грозном. Разорение Новгорода объяснено тут присками литовцев, подкупивших бояр с целью захвата Москвы. Узнав об обмане, Иван Грозный освободил Москву, казнил "промежных бояр", а "засаженных в темницах новгородцев всех приказал выпустить на свободу" (Даль В.И. Цоли. собр. соч.—СПб.—М., 1898, т.7, с.12-15). Безусловно, в чистом понимании писателя Иван Грозного отразилась народная вера в "хорошего" царя.

Интерес Даля к отображению истории в фольклоре не был случайным ибо постоянно беспокоило преобладание лирического начала в учёбе историческому преданию. Восполив этот пробел, Даляр в рассказе "Хильков с товарищами" из "Матросских досугов" (1853) говорит о мужестве и находчивости русских людей, оказавшихся в 1743 г. волей случая на необитаемом острове в Северном Ледовитом океане (НС, т.6, с.412-414). В рассказе "Больные моряк Герасимов" повествуется о том, как в 1810 г. был захвачен англичанами русский торговый корабль. Смекалка и выдержка помогла русским матросам освободиться. Кстати, это же событие легло в основу поэтии А.А. Бестужева-Марлинского "Морехол Никитин" (1834). Но если Марлинский беллетристирует изображаемое, то Даляр ограничивается передачей немудреного повествования Матвея Герасимова (см. там же, с.392-394). Марлинский только декламирует очущение к простонародному; у Даля простонародное пронизывает все содержательные и формальные аспекты произведения.

Даляр избегал идеализации крестьянской жизни. Изображение положительного у него сочеталось с показом отрицательного. При этом писатель грозаочно намекал на то, что именно отсутствие крестьянского права на Севере стало надежным залогом благосостояния края. Например, рассказ "Ворожея" начинается так: "Известное дело, что чем далее у нас пойдете на Север, тем захиточнее находите мужиков, и тем более опрятности и роскоши найдете в образе их жизни"; "а если вы заглянете на Колу, то, конечно, изумитесь обилию и даже прямой роскоши" (НС, т.8, с.119). Само же событие, описанное в рассказе, проходит в одиноком селении за Черным. Сюда за-

ходит возвращающаяся с ирбитской ярмарки цыганка. Она обманывает отравляющую бесплодием крестьянку и похищает из избы все ценности. Однако у Мары, и ее муж не долго печалится о потере, тем более, что вскоре Марья рожает сына. Даль подчеркивает замечательные качества крестьянки: доброту, бескорыстие, человеколюбие. Сочувствуя ее вполне изынительному суеверию, односельчане пытаются отыскать пропажу, но безуспешно. В этом контексте резким обвинением бюрократическому аппарату звучит мимолетное замечание: "заявили начальству, - тем, разумеется, дело и кончилось" (там же, с.126). Не случайно напечатанный в "Москвитянине" (1848, № 10) рассказ вызвал цензурные преследования.

Даль воспринимает северное крестьянство не просто как класс, но как своеобразный этнос, живущий по своим законам и, главное - способный к обновлению. Поэтому он не называет никаких рекомендаций. Изображая, например, народное пьянство, он опирается на существующие поверья, в которых уже выражена негативная оценка явления. Так, рассказ "Подземное село" построен на бывальщине о том, как в Архангельской губернии чрезмерно пьяющие и богохульствующие жители вместе со всем деревней провалились под землю (ПСС, т.6, с.330-335). В рассказе "Заумаркина могила" приведено известное в немецком устяге предание о пьянице, который зарезал жену, сына и сам сгорел от вина (ПСС, т.7, с.45-48).

Тяга народа к нравственному самоочищению особенно отчетливо выражена в рассказе "Олонецкий суд". Здесь "олонецкий каменотес" излагает трагические события, произошедшие недалеко от его деревни. Озверевший преступник Иван буквально терроризирует односельчан. Попытки каким-либо образом уладить дело ни к чему не привели. Когда все меры исчерпаны, его убивает из ружья родной старец. Причем, "мир в голос сказал, что принимает и грех, и ответ на себя" (ПСС, т.8, с.23). Возникающая перекличка с "Тарасом Бульбой" Гоголя отнюдь не случайна. Сидор Иванов, как и Тарас Бульба, воплощает в себе народную мораль и вершит суд от имени народа.

Что мысли Даля, не прытесенные изыные институты, а сам народ, опираясь на свою внутренние духовные возможности, в состоянии решить любые возникающие перед ним проблемы. Напрашивается вывод о едином отношении к крестьянству, ибо разрыв экономических, культурных, правовых связей, сложившихся в нем на протяжении веков, чреват катастрофическими последствиями. Но именно это глобальное

осознание суверенности крестьянского мира, наимного опережавшее свою эпоху, делало иногда уязвимой общественную позицию Даля с точки зрения его оппонентов. Мы имеем в виду прежде всего поэма-ку о грамотности в конце 1850-х годов.

К сожалению, и не в столь отдаленные времена взгляды великого народолюбца трактовались весьма произвольно. Утверждалось, например, будто бы Даль изображал черты народного сознания, "не вдумываясь в их социальный смысл и значение", и в то же время осуждал "только такие свойства народа, которые находятся в противоречии со своим смыслом самого народа", и в то же время не видел в общине "никаких прочных моральных норм" (см.: Белова Н.М. Художественное изображение народа в русской литературе середины XIX в. - Саратов, 1969, с.34-36). Думается, однако, вопреки расхожему мнению, что Даль все-таки понимал логику исторического развития, верил в талантливость народных масс. В этомубеждают и его произведения о Русском Севере.

А.В.Чернов

А.В.ВЕРЕЩАГИН И ЕГО КНИГА "ДОМА И НА ВОЙНЕ"

Жизнь семьи Верещагиных в русскую культуру остается в полной мере не оцененным и по сей день. Младший брат заслуженного мастера Николая Верещагина, великого художника Василия Верещагина, Александр Васильевич Верещагин (1850-1909) совершенно неизвестен широкому читателю. Между тем, он был прекрасный писатель и мемуарист, замечательный мастер слова, тонкий стилист, наделенный от природы острой наблюдательностью, чутким художественным восприятием мира и человека.

"Дома и на войне" (1865) - первая книга А.В.Верещагина. Сложное по жанровой природе мемуарно-очерковое произведение (во многом близкое к литературным работам В.В.Верещагина) отразило глубокое самобытный и оригинальный взгляды на один из центральных проблем своего времени: "человек и война". Лицем пережитое и прочувствованное становится главным предметом изображения в книге. В ней нет широких обобщений, нет попыток поглядеть над событием, приблизиться к "панорамному" взгляду на войну. обыкновенный человек представлен искренне и честно, без малейших попыток героятизации, без умалчивания естественной человеческой слабости - праге-

янного страха смерти - таков создаваемый на страницах книги об-
раз повествователя.

Эта, порой смущающая читателя, искренность, откровенный взгляд на себя и окружающих позволили писателю глубоко художественно и пронзительно показать главное - неестественность войны, несомненность ее с общечеловеческими представлениями о ценности жизни, справедливости, постомнистве.

"На войне. Воспоминания и очерки из русско-турецкой войны 1877-1878 гг." - вторая часть книги. Первая посвящена детству (в Череповце и Череповецком крае), годам учебы. Воспоминания Александра Верещагина о семье, о взаимоотношениях между собой ее членов, с родителями - меняют ставшие привычными впечатления и некогда внутрисемейном неблагополучии Верещагиных, заставляют по-новому взглянуть на взаимоотношения родителей и старших детей - Николая и Василия. Становится понятным, что именно в первых годах детства в определенной степени формировались самостоятельность и независимость, трудолюбие и бескорыстие, столь свойственные политической деятельности всех братьев Верещагиных.

Александр был во многом не похож на старших братьев. Мягкий поэтуре, легко поддававшийся воздействиям со стороны, он не обладал той монолитной целостностью характера, какая была присуща Николаю и Василию Верещагиным. Ему не чужды были и такие человеческие слабости, как желание нравиться, уступчивость, излишняя мягкость (за них ему писал в письмах В.В.Верещагин). Undoubtedly, положение младшего ребёнка в семье, особая любовь отца и матери наложили свой отпечаток на характер Александра. Но, возможно, по тем же самым причинам герой книг А.В.Верещагина оказался глубоко человечен и сложен, неоднозначен и правдив.

Искренность и естественность героя-повествователя в книге "Дома и на войне" были высоко оценены Львом Толстым, который (в письме к В.В.Стасову от 7 декабря 1863 г.) заметил: "Это именно тот художественный историк войны, которого не было - поэтический и прямой... Это не художник, а лучше, - трезвый, умный и правдивый человек, который много пережил и умеет рассказать хорошо то, и только то, что он видел и чувствовал. А это ужасно редко".

После первой книги писательская деятельность А.В.Верещагина продолжалась вплоть до его трагической гибели в 1909 г. Появились одна за другой его книги "У болгар" и "За границей. 1881-1893. Вос-

поминания и рассказы" (1896), "Новые рассказы..." (1900), "На войне. Рассказы очевидцев. 1900-1901 гг." (1902), "По Манчжурии (1900-1901 гг.). Воспоминания и рассказы" (1903) и др.

Помимо высоких художественных достоинств, книга Александра Верещагина "Дома и на войне" становится уникальным краеведческим и историческим памятником. Она является источником интереснейших сведений о жизни Русского Севера второй половины XIX в., дворянском и крестьянском быте, о боевой и мирной жизни русской армии, содержит мастерски созданные портреты выдающихся русских военачальников.

С.И.Митюров

Некоторые особенности изображения северной столицы в произведениях Ф.М.Достоевского

Общеизвестно, что описания природы крайне редко встречаются в произведениях Достоевского. Человек его, как правило, городской и, по преимуществу, петербургский.

Формирование образа Петербурга у Достоевского в 1840-х гг. в значительной степени связано с традицией гоголевской прозы. Влияние Гоголя ощущимо, например, в "Петербургской летописи", где "северная столица" характеризуется как винеградное (аклектическое смешение различных национальных традиций и принадлежностей в архитектурном облике), разобщавшее людей пространство, мир леформированных коммуникаций. Здесь же появляется и мотив игры (в оговорке о Пьерро): от него берет начало изображение Достоевским Петербурга как "фантastического", "умышленного" города, лишенного традиций и прочного исторического основания.

"Фантastичность" облика "северной столицы" впервые отчетливо проявляется в повести "Слабое сердце". Описание города начинается популярным у романтиков фантасмагорическим пейзажем ("Вся необъятная, всхухшая от замерзающего снега поляна Невы, с последним отблеском солнца, осыпалась мириадами игл игристого инея" и далее), но этот пейзаж-мираж, будучи поставлен в принципиально новый контекст, существенно переосмысливается. Образ Петербурга создается писателем на скрещении двух тенденций - топонимической точности и конкретности городских реалий и одновременно "фантastичности" всей картины.

Во внешнем оформлении образа "фантастического" города широк о используются мотивы северной природы - холод, мгла, туман, изморозь, дождь, гуськие краски и проч. Вместе с тем, петербургские пейзажи у Достоевского прелестно субъективизированы, преломлены через призму сознания конкретных героев. Мир Петербурга раскрывается через отношение к человеку и именно в этом аспекте интересует писателя.

В петербургских пейзажах подчеркивается слабость жизненных сил северной природы, часто даже обреченность, начало умирания (таково, например, сравнение с " чахоточной львой" в "Белых ночах"). Однако мотив умирания сопрягается писателем не с образом севера вообще, а именно с петербургским пространством. Тот же герой "Белых ночей", пересекая городскую границу, попадает в совершенно иной, яркий, многоцветный, полный жизненных сил мир. Возникающая аналогия с Италией лишь обнаруживает условность оппозиции "север - юг", ее идеологический, а не географический характер.

Существенную роль в характеристике Петербурга как обращенного пространства играют солярные мотивы. образ "северной столицы" строится писателем по контрасту с утопическим "городом Солнца" (речь, разумеется, не об ориентации на конкретное произведение Т.Кампандии, а о полемической трансформации популярного в социальных утопиях образа, тесно связанного с представлением об идеальном общественном устройстве). "Хохлы луци заходящего солнца" "свинцовые облака", за которыми скрывается "неяркое солнце", - подобными мотивами Достоевский густо насыщает петербургские пейзажи. Петербург Достоевского - это город уходящего солнца.

"Северная столица" превращается у Достоевского в центр "зла мира", средоточие античеловеческих, леструктивных сил, и описание городской природы все более подчиняется этой логике мышления писателя. В ранних произведениях изображения Петербурга нередко антропоморфизированы ("Петербургстал злой и сердитый, как разраженная старая лева", "Петербург дулся"). В 1860-70-е гг. такого рода уподобления практически полностью исчезают из произведений Достоевского. дело не просто в отказе от определенного литературного приема: "расчеловечивание" образа Петербурга становится способом выявления сущностной характеристики "умышленного", отчужденного от человека пространства.

Свою кульминацию эта трактовка петербургской темы достигает в

в "фантастическом рассказе" "Сон смешного человека". Привычные детали облика столицы, превельно сгущенные и максимализированные приобретают здесь эсхатологическое звучание. Перед нами город без солнца, над которым разверзлись "бездонные черные пятна". Однако эсхатологическим изображением образ Петербурга не исчерпывается. Параллельно с возрождением к жизни "русского прогрессиста", "гуманного петербуржца" и несостоявшегося самоубийцы намечается перспектива и в самой петербургской теме. Городу, погруженному в безнадежду тьму в начале рассказа, в его finale противостоят город, омынный рассветом. Гуманизация бесчеловечной жизни всецело связывается достоевским с усилиями нравственно возрожденного конкретного человека.

А.В.Сафонов

РУССКАЯ ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР
В КНИГЕ С.В.МАКСИМОВА "ГОД НА СЕВЕРЕ"

Книга Сергея Васильевича Максимова (1831-1901) "Год на Севере" представляет собой цикл очерков, написанных в результате "литературной экспедиции" писателя в Архангельскую губернию, на берега Белого моря. Молодом писатель проделал огромный путь в несколько тысяч верст. Среди людей, встреченных им, были рыбаки, оленеводы, охотники, купцы, богомольцы, священники, чиновники... Попробнейшим образом описал автор суровый край, его историю и современность, растительный и животный мир, занятия, обычай, обряды, национальную психологию и речь его жителей. Очерки, печатавшиеся сначала в журналах "Морской обозритель" и "Библиотека для чтения" (1856-1859) и обединенные затем в книгу, представили своеобразный цикл, цельным и единым.

Через картины быта, факты пожелтневной действительности, рассказы бывалых людей автор воссоздает собирательный образ народа, образ многогранный и сложный. В очерках раскрывается его трудолюбие, мужество, независимый характер, чувство собственного достоинства. Запоминаются в этом отношении эпизоды охоты на морского зверя (очерк "Берега Летни и Онежский"), описание рыбных промыслов ("Мурман"), морской путь на Карельский берег ("Карельский берег"), тяжелая зимовка на новом Земле ("Новоzemельские моржовые промыслы") и многие другие.

Создавая (причем, одним из первых в русской очеркистике, параллельно о И.И.Якушкиным) обобщенный образ массы, Максимов группирует свои наблюдения над жизнью северян, делает определенные выводы о факторах, формирующих этот своеобразный тип русских людей - это близость к природе, труд с ранних лет, свободное развитие, отсутствие крепостнического угнетения.

Наряду с коллективным портретом, в книге присутствует ряд более подробно выписанных героев. Это люди "северной породы", закаленные трудом и борьбой с лишениями, обладающие чувством собственного достоинства, не задавленного крепостничеством, носители типических черт русского национального характера. Их индивидуальность выявляется, как правило, в труде, в схватках с суровой природой Севера, в их речи, выразительной и яркой, в высокой бытовой культуре. Таковы мореходы Иван Архипов ("Терский берег Белого моря") и Егор Старков ("На шхуне"), кемский житель Цемийлов ("Кемь"), охотники на морского зверя Антип Прокофьевич и Тимох ("Новоземельские моржовые промыслы"), мезенец Гаврило Васильевич ("Белое море и его прибрежья"), политический ссылочный Евсений Тюпович Палавандов ("Печорский князь").

Народные характеры, вызывающие симпатию, удивляющие своей самобытностью, внутренней силой, одаренностью, Максимов находит и в легендах, в преданиях. Драму творческой личности испытывает безымянный строитель Бокресенского собора ("Кола"). Кормщик Антил Панов отстоял свое личное и профессиональное достоинство перед самым Петром Первым ("От Сумы до Сиэги"). Легенда о новгородском вечевом колоколе рисует поморов наследниками богатой культуры Новгородской республики. Дух материнства, непокорства, несломленности воплощен в предании об Аннекуме Петрове, знаменитом центеле русского раскола ("Цустозерск").

Важным средством создания образа в "Годе на Севере" становится прелестно жаконичный портрет, характеризующий не столько индивидуальность героя, сколько принадлежность его к определенной социальной среде: героям Максимова часто неостается индивидуально-психологических черт.

Более значительную роль в обрисовке внутреннего мира, пушечного склада, психологии даже второстепенных персонажей отводит Максимов речевой характеристике, умело передавая характер человека пятью-тремя фразами. В речь персонажей часто включаются пословы -

цы и поговорки, различные меткие выражения, характеризующие острый ум и "практическую философию" северян, рожденные их образом жизни.

Критики-современники отмечали, что особенную привлекательность книге придает образ автора - патриота, гуманиста, высокооправственного человека, замечательного рассказчика, выразителя передовых идей. В анализируемых очерках отразилось глубокое знание писателем народной жизни, понимание ее сокровенного смысла. Талант повествователя, умелое владение богатствами языка помогли ему создать коллективный портрет жителей северного края. Реалистически изображенные персонажи, наделенные яркими и типическими чертами, воплотили в себе важнейшие стороны русского национального характера: трудолюбие, мужество, доброту и честность. Главный герой максимовских книг - "обожженный русский мужик, хранитель созданной им же самим великой русской культуры, который всегда и везде остается верен ее ценностям" (З. Гуминский).

Книга С. В. Максимова была значительным шагом вперед в русской народоведческой литературе. Она рисовала не отдельные факты и эпизоды, а образ жизни огромного края. Ей присуща социальная значимость, гражданский пафос, антикрепостническая и антибуржуазная направленность. Получили освещение многие, ранее неизвестные, стороны народной жизни, черты быта и нравов жителей Архангельской губернии сломились в цельную картину приобрели характер типических обобщений, отразили существенные черты всей русской действительности.

В.И.Мельник
ВОЛОГОДСКИЙ ПЕРСОНАЖ В РАССКАЗЕ К.М.СТАНОКОВИЧА

Выдающийся писатель-манирист К.М.Станкович не был знатоком Русского Севера и не выделял этой темы в своем творчестве. Однако есть у него произведение, в котором главным героем является матрос - выходец из крестьян Вологодской губернии. Причем, выбор места рождения персонажа отнюдь не случаен. Речь идет о рассказе "Цервогодок".

Рассказ этот невелик по объему, скажет его весьма прост. Егор Певцов обучается матросскому делу в Кронштадте. Он не может привыкнуть к жестоким порядкам, царящим на флоте, к мордобою

унтер-офицеръ. В его сердце закрадывается страх перед морем, которого он раньше никогда не видел и которое представляется ему средоточием штормов и ураганов. воспитанный в совершенно иной обстановке, он постоянно вспоминает свою вологодскую деревню, лес: "Он сделался матросом, никогда в жизни не видавши не только моря, но даже и озера. видел он только маленьку речонку Вынь, протекающую у деревни" И далее: "Его манил к себе густой старый лес...", "Его манили поля... манила деревня с черными покосившимися избушками...". Из-за местных побоев, испытывая на себе тяжелый кулак унтер-офицера Захарыча, Егор Певцов надумал бежать. Он меняет шинель на старый армяк и через море по льду, с заветным рублем, принесенным еще из деревни, идет в Оранienбаум. Но по дороге встречает того самого Захарыча, от которого бежал... узнав о замысле матроса, о причине побега. Захарыч смягчается, побывает матросу шинель, прекращает поиски и помогает Певцову стать "форменным матросом".

Само название рассказа - "Первогодок" - показывает, что Станюковичставил целью показать формирование "морской души" из самой типи ной "деревни" ("Из этой деревни хороший марсовой выйдет!"). Процесс привыкания к морю показан в двух планах: природном и социальном. Станюкович любит море и моряков, но абсолютно не принимает крепостнического уклада на флоте. Отсюда поэтизация становления "морской души", изображение товарищеской помощи, преодоления страха перед стихией. И отсюда же драматический план изображения социальной стороны конфликта ("Унтер-офицер Захарыч... не стоял большим терпением и, сам выученный далеко не ласково, показал, что без боя "никак невозможно обломать деревенщину"). Социальный план изображения придает рассказу сюжетную динамику. Имея это в виду, совершаются глаучные превращения героев, свидетельствующие о необходимости изменения в общество.

Для того же, чтобы показать психологию "первогодка" на флоте, представить ее в лиризме, Станюкович должен был выбрать в герое рассказа такого человека, который бы представлял, с точки зрения флотской, совершенно "необработанный" материал. Поэтому героям становится выходец из вологодских крестьян, представитель наиболее "глухих", "патриархальных" мест России. Таким путем достигалась прежде всего необходимая контрастность, придававшая рассказу драматизм.

МАЛЫИЗВЕСТНАЯ СТАТЬЯ И.АННЕНСКОГО О НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ РУССКОГО СЕВЕРА В КОНТЕКСТЕ ТВОРЧЕСТВА ПОЭТА

Имя русского поэта Иннокентия Анненского связывается в нашем сознании в первую очередь с символизмом, классической античной трагедией и французской поэзией, которые он переволил и изучал в русской классикой, которой, в основном, посвящены его "Книги отражения". Между тем, библиография литературоведческих работ поэта открывает его малоизвестную статью "Из наблюдений над языком и письмом Русского Севера", опубликованную в "Сборнике статей по славистике, посвященным профессору петербургского университета Б.И.Даманскому (1883). В эту раннюю статью вошли "наблюдения семасиологические и лексические в сфере поэзии Русского Севера" (на материале книг Рыбникова, Гльдерлинга, Барсона).

Методика анализа, использованная в статье, традиционна для русской славистики XIX в.; ею же Анненский пользуется позже в своих статьях, посвященных творчеству А.Майкова и Е.Бальмонта.

Характерно, что из широкого круга явлений действительности, отраженных в народной поэзии, Анненский ограничивается "областью явлений тепла и холода, поскольку эти явления отразились в языке и поэзии Русского Севера". Как показывает анализ разных стихотворений самого Анненского, эта "область явлений" особенно актуальна и для его лирики. Причем, большинство приемов, отмеченных исследователем в народной поэзии, находит соответствие в его собственном творчестве. Кстати, с этой же группой явлениями Анненский начинает и "семасиологический" анализ лирики Бальмонта.

По свидетельству Б.Наркеке, Анненский "предшолстал вернуться к изучению народных песен в последние годы жизни". Это еще раз подтверждает неслучайный характер появления ранней статьи поэта, ее органичную "выписанность" в контексте его творчества - и исследовательского, и лирического.

"Этот "европеец"... глубоко чувствовал эту русскую "перевню", чувствовал точно и остро, умся злесь и выпить, и слышать так, как немногие русские поэты... Сложная и многогранная луша Иннокентия Анненского все же была именно русской лушой, всеми тончайшими нитями своими связанным со своей родиной, которую он любил первым, трогательном и скорбном любовью"(В.Кривич).

ИГОРЬ-СЕВЕРЯНИН В ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НАЧАЛА XX ВЕКА

О Игорь, мой единственный,
Шатенный трубадур!
Добро я твой таинственный
Лирический ахур.

Так написал своему преданному ученику в феврале 1911 г. (т.е. еще до выхода "Громождающего кубка") К.М.Фофанов. Название малритела ("Музыка без слов"), "шатенный трубадур", "лирический ахур" - это как бы из самого Северянина. Важнее обратить внимание на слово "тайственный".

"Таинственным" Игорь-Северянин оказался и для современной ему критики, и во многом остается таковым до сих пор. У искушенного читателя появление его стихов вызвало удивление в сочетании с некоторой настороженностью покровительственности. У большей части критики Северянин (не только стихи, но и он сам) вызвал растерянность, неоумение, раздражение; диапазон оценок, разброс мнений были очень большими. Итогом восприятия И.Северянина современниками стал сборник "Критика о творчестве Игоря Северянина" (М., 1916) - издание само по себе беспрецедентное. В статье С.Боброва, имевшей целью "предоставить читателю в некотором хронологическом порядке историю отношений Северянина и критики" (с.5), автору пришлось подсчитывать, сколько раз и какого рода критики порицали Северянина и сколько раз хвалили. Из этих подсчетов не стало понятно место поэта в современной литературе: "Определение места И.С.... с точки зрения теории словесности все это чрезвычайно интересно" (Сем.Рубанович, с.62).

После выхода указанного сборника прошло много лет, но из того немногого, что написано об И.Северянине, мало что прояснилось, и вопрос о месте поэта "в литературе российской с точки зрения теории словесности" остается открытым. И.Северянин - единственный поэт, который в разное время разными критиками, исследователями, и авторами учебников был включен во все литературные течения и направления начала века - от преодимволизма до постсимволизма.

Литературную генеалогию Северянину (к чему да и основанию сам поэт) связывали с преодимволизмом: Фофанов, М.Лохвицкая его любимые поэты; назывались Случевским, Апухтиным, Чалсом (С.Бобров).

Творчество Северянина - попновленное декаденство 90-х гг. (З. Гиппиус), Северянин - эпигон К.Бальмонта (М.Л.Гаспаров). Основания: индивидуализм, самообожествление, культ самодовлеющей личности, культ красоты, понимаемой как внеморальная ценность ("Я славлю восторженно Христа и Антихриста..."), преобразование мира в эстетическую конструкцию, "творческую легенду" (Мирреля - нечто подобное Звезде Майра).

С младосимволистами Северянин связывают некоторые мотивы, например, "мещанской драмы" (С.Бобров), "восхождения", мифологические мотивы борьбы Хаоса и Космоса в "Гравелии Титана", магия музыки и "певческая сила" его стихов (К.Чуковский).

К акмеистам относит И.Северянина автор вузовского учебника А.И.Соколов. Действительно, с акмеистами роднит поэта стремление к точности реалии, предметности ("Поэзия спичечного коробка"), тоска по культуре, с непременно Элладой:

Нечистолюбив прохладой
Туда, где крапчатый лосось,
Где чайка взрекла эмладой,
Взжусь я в мореву сквозь.

Для зрителей и читателей, не очень искушенных в ответвлениях русского футуризма, Северянин был футуристом. Он принимал участие в гастрольных поездках и выступлениях футуристов, "примутал" аго-футуризм. "Северянин мобилизует своими аккордами мировые политики" (И.Игнатьев), но очень скоро счел агофутуристическую программу проиленным для себя этапом, заявив об этом в стихотворной листовке "Эпилог аго-футуризма" (октябрь 1912), а затем окончательно порвал с футуристами ("Поэзия истребления", 1914). Футуризм Северянина заключался же в словоизвержение, как думали многие, а в характерной игре в гениев, провозвестников будущего.

Что это? Замечательная поэтическая восприимчивость, "дар перевоплощения" (Брюсов) или беззастенчивая подражательность? Назовем же Северянина в разгромной статье о нем А.Амфитеатров "гением подражательности". К тому же и современников, и последующих читателей не покидало ощущение, что все серьезные, выстраданные темы русского символизма и постсимволизма Северянин сжал, опростил и даже опопыхал. То, что было доступно немногим, стало достоянием всех: "Пора популзрить изыски...", "Поешь деликатногос, площаь: прилетел товар по душе".

Не принимал участия в создании миросозерцания и поэтики ни одной поэтической группировки своего времени, Северянин очень легко принял и ассимилировал их все, и не как эпигон, а чувствуя и понимая зерно каждой. Более того, так же легко он делал иногда то, к чему эти течения стремились, но у них не получалось: попытки создания эпоса символистами, тяга к сюжетному повествованию у амейстов. Естественный песенный цар сочетался у него с галантем рассказчика, что органично реализовалось Северянином в трилогии его автобиографических поэм и в "Роиля Леандра", явно ориентированном на "Дневника Онегина" и роман в стихах.

И символисты, и постсимволисты стремились, как к недостижимому идеалу, к младенческой ясности, свежести и наивности: мучительные поиски в этом направлении Блока, мифологические вариации Городецкого, аламизм, стремление к первозданности амейстов, освящение эстетики примитива футуристами. Северянин поражал и раздражал именно своей обескураживающей наивностью и простодушием. Опынения в беззкусице, неотчетливости поэтического пути и понимания назначения поэта (Блок), в потакании дурным вкусам его совершенно не трогали. "Дурной вкус" выходит в поэтическое задание как неизбежный элемент демократизации и эстрадализации поэзии: "Он в каждой песне, им от сердца спетой,/ Иронизирующее личт..."

Вряд ли стоит безоговорочно доверять этим самохарактеристикам поэта. Ирония И.Северянина сильно преувеличивается: дело трактуется таким образом, что вся его роскошная галантейно-парфюмерная экзотика не более, чем ирония. нет, и здесь поэзия Северянина близка к русской поэзии начала века с ее экстатической серьезностью и почти полной невосприимчивостью к смеховой культуре, если не иметь в виду так называемую романтическую, трансцендентальную иронию.

Современники отмечали у Северянина "способность рисовать, что видит" (Брюсов), тяготение к "описательности" (Гиппиус). Особенно это относится к северянинским описаниям природы, достигавшим в лучших стихах поэта ведкой точности и выразительности, не осложненной ни мистическими, ни культурологическими, ни какими-либо иными ассоциациями и аллюзиями. Однако читатели замечают у Северянина прекрасное "изящине" вещей: всячного рода кабриолеты, ланю, шалэ, грэззерок и экспессорок. При этом не замечается механизм появления этого "изящности", который поэт, кстати, и не скрывает.

Очень любопытную маленькую лачу можно назвать "шалэ", деревенского мужика - "поселенником", а севши на извозчика, вообразить себя в "комфортабельной карете на эллиптических рессорах"...

Игорь Северянин - поэт промежуточный между "классиком" и "авангардом". Авангард, усвоив художественные идеи и формы предшествующего искусства, затем разрушает его и из обломков старого искусства пытается создать новый язык. Северянин, повторив путь русской поэзии начала века и многое усвоив в ней, не разрушает ее окончательно, а смыкает, трансформирует, и на этой основе создает свое видение мира и свои поэтические формы.

"Северянинская" ветвь не исчезает в русской поэзии ХХ века: рефлексии ее появляются в разное время и в разных стилях - от чисто эстрадной, развлекательной поэзии до построенной на интеллектуальном игре поэзии обернувших или современных "метаметафориков" и "концептуалистов".

О.В.Нелепина

ИГОРЬ-СЕВЕРЯНИН И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ В ЧЕРЕПОВЕЦКИЙ ПЕРИОД

Череповецкий период И.Северянина охватывает его отреческие годы: 1896-1903. Об этой важной поре его жизни и духовного развития известно очень мало. В настоящем докладе используются новые материалы, переданные И.В.Николенко, воспоминания выпускника Череповецкого реального училища П.Смирнова, письма.

Тем, что Игорь Лотарев, уроженец Петербурга, оказался на череповецкой земле и прожил здесь около 7 лет, мы обязаны его отцу, Василию Петровичу Лотареву. В поэме "Роса оранжевого часа" сын поэт так характеризует отца:

Великолепнейший лингвист,
И образован, и воспитан,
Он был умен, он был начитан...

Образование В.П.Лотарев получил в одном из пансионов Г.Ревеля и в военном учебном заведении в Петербурге. Жидя в отставку в чине штабс-капитана, он уехал с сыном в деревню, в Новгородскую губернию, где жили его сестра Е.П.Курова, владелица картонного завода на реке Алагоге, и брат М.П.Лотарев, хозяин небольшого имения на Суде. Так из Петербурга девятилетний мальчик попал в глухой лесной край, столкнулся с жизнью русской провинции.

Несомненно благотворным было влияние на него семьи дяди, Михаила Петровича Лотарева, который, в отличие от брата, был человеком сугубо инженерным. Родился он 2 ноября 1854 г. в Харькове, в семье владимирского купца Петра Ефимовича Лотарева. Детские годы провел в семье деда по материнской линии, крестьянина Леонтия Власовича Полякова, в селе Новоселки Александровского уезда Владимирской губернии. В 1866 г. он стал воспитанником Московской практической академии коммерческих наук, затем, по желанию родителей, продолжил учебу в ревельском пансионе вместе с братом Василием. В конце 1870-х гг. М.П.Лотарев стал компаньоном Н.А.Ильинского, владельца текстильной фабрики в Москве, а в 1881 г. - женился на его дочери, Екатерине Николаевне Ильинской, воспитаннице Института благородных девиц.

Вся дальнейшая жизнь Михаила Петровича была связана, в основном, с текстильной промышленностью. Он служил директором бумагопрядильной и ткацкой фабрики Н.Гарелина в Иваново-Вознесенске (1882-1884), заведовал фабриками "Товарищества Никольской мануфактуры. Савва Морозов-сын и К°" (1884-1891). В течение четырех лет (1892-1896) инженер-технолог М.П.Лотарев занимал должность технического директора и заведующего на фабрике "Общества бумажных мануфактур Карла Шеблера" в Лодзи. В договоре о фирме была предусмотрена неустойка в 13 тысяч рублей. На эти деньги позже была куплена земля и построена усадьба Владимирка на Суде.

С 1897 г. М.П.Лотарев стал директором бумагопрядильной и ткацкой фабрик "Товарищества мануфактур Н.И.Кожина" в Серпухове, но летние месяцы семья проводила во Владимиронке. Дети (три дочери и три сына) учились в Москве, но на лето приезжали в деревню. Дом Лотаревых был очень гостеприимным: кроме близких родственников, здесь гостили многочисленные друзья. Молодежь увлекалась литературой, искусством, устраивала любительские спектакли, грибы, походы, катание на лодках, рыбалку и т.д.

В кругу этой семьи будущий поэт чувствовал себя уютно, а в одну из своих двоюродных сестер, Елизавету ("кузину Дилю", "Дилит", "тильчатую Дилю"), он был влюблен. Не мог не привлечь его внимания и двоюродный брат (сын Е.П.Куromод) Виктор Дурюк, студент юридического факультета, а вследствие - артист и режиссер московского театра Ла Скала (пseudоним "Митторио Анкого").

С 1897 по 1902 г. Игорь Лотарев учился в Череповецком реальном училище. Удалось установить три его городских адреса: 1) реальное училище, квартира директора, князя Б.А.Тенишева ("Я прожил грязи в реальном"); 2) улица Благовещенская, д.18 (дом, принадлежавший семье Мигаловских, недавно разрушен); 3) дом напротив реального училища, на углу Александровского проспекта и Казначейской улицы (принадлежал Бахметьевым; также разрушен).

Математику и физику в реальном училище преподавал в те годы Ф.В.Гурьянов, глава большого семейства, хорошо известного коренным череповчанам. У его потомков сохранились воспоминания "реалиста" П.Смирнова, который помнил Игоря Лотарева (его двоюродный брат Николай Бахметьев учился с Игорем в одном классе). Из этих воспоминаний мы узнаем, что в ученические годы Игорь был хорошо обеспечен материально, был выше своих сверстников по развитию, рано начал писать стихи ("О, в эти дни впервые лиру / Сбрел поэзии любимый ваш...") важным источником его знаний была художественная литература, которой он увлекался с детства. В Череповце он пользовался библиотекой реального училища, частными собраниями книг.

Череповецкий перекол жизни И.Семёрянина был временем накопления самых разнообразных впечатлений, жизненных, литературных, эстетических, которые во многом определили его дальнейшую судьбу.

М.Г.Рогозина

ДОМ НА СУДЕ

Настоящий доклад построен на семейных воспоминаниях и некоторых документах из ломашских архивов. Автор - правнучка Михаила Петровича Лотарева, дяди Игоря Семёрянина, хозяина дома на берегу реки Суды, на котором в 1987 г. установлена мемориальная доска, посвященная поэту.

Дед поэта, Петр Ефимович Лотарев, значится в документах "владимирским мещанином". О нем известно только, что он был управляющим какого-то имения, многое имя и рано умер. Его жена, Пелагея Леонтьевна, в девичестве Полякова, жила гораздо дольше мужа. Воспитывал детей дочери ее отец, Леонтий Власович Поляков, крестьянин села Новоселки Владимирской губернии Александровского уезда Андреевской волости. Детей было трое: Елизавета (род. ок. 1850 г.), Михаил (род. в 1854) и Василий (род. в 1860). Сохранилась фотография семьи,

сделанная в Москве в 1870 г.

М.П.Лотарев учился в Московской коммерческой академии, затем в Практической академии в г.Ревеле и, наконец, в Политехническом институте, после окончания которого работал инженером на текстильных фабриках в Иваново-Вознесенске, Орехово-Зуеве и Лодзи (везде - техническим директором). В 1881 г. он женился на Екатерине Николаевне Ильинской, дочери владельца московской текстильной фабрики. Ее отец, Николай Афанасьевич, незадолго перед этим разорился (после пожара в ткацкой мастерской). У Михаила и Екатерины Лотаревых было шестеро детей: Елизавета (1882), Борис (1884), Вера (1885), Николай (1887), Лидия (1889) и Владимир (1892).

В памяти семьи сохранились интересные подробности, связанные с работой М.П.Лотарева в "Обществе бумаговых мануфактур Карла Штейблера" в Лодзи, где он был техническим директором и заменщиком. Михаил Петрович подписывал контракт на 10 лет, но был уволен ис истечения срока, т.к. поставил вопрос об улучшении труда рабочих, в частности, об улучшении вентиляции в цехах. Хозяин предпочел уволить строительного директора, выплатив ему неустойку в 13 тыс. рублей. С 1 марта 1897 г. М.П.Лотарев устроился на фабрику "Юназ Миза" Николая Коншина в Серпухове, где проработал более 10 лет, а с 1908 г. стал консультантом при правлении "Товарищества мануфактур Коншина" в Москве.

На деньги, полученные в Лодзи, был куплен участок земли в окрестностях Череповца, на берегу реки Суды. Сначала на нем был возведен небольшой одноэтажный дом с балконом (его называли "малым домом"). Но летам там собиралось одновременно до 20 человек: сами хозяева, сестры, братья и племянники Екатерины Николаевны (у нее было 13 братьев и сестер), Кисляковы, их дальние родственники и многие другие. Семья разрасталась и пришлось строить (в 1901-1903 гг.) новый, "Большой дом", а кроме него служебные постройки: кухню, комашню, оранжерею, кузницу и т.п. Первоначально дом был рубленый, но вскоре был оббит досками; он был очень хорошо оборудован и мог вместить всю семью, а также прислугу.

Илии Лотаревы весело, устраивали походы в окрестные леса, на реку Кемзу, на озеро Удебное, занимались косью, пахотой, селекционизмом и садоводством. Около дома был разбит парк с клумбами и экзотическими цветами. Николай оборудовал небольшую метеостанцию и проводил наблюдения за погодой. Сохранилось много фотографий

ографий, где Лотаревы запечатлены на рыбалке, на велосипедах, на лыжах. На трех фотографиях можно увидеть Игоря Лотарева, бывшего поэта, в форме "реалиста". Рядом - семья Куроевых: Елизавета Петровна с мужем и сыновьями Сергеем и Виктором (будущим певцом).

Лилия Лотарева, будучи сама ребенком, запомнила детские и очень накидные стихи, которые сочинил Игорь Северянин в отрочестве:

Солнце вышло из-за леса,
Вода льет свою река.
Молодая баронесса
Быстро села на коня.

Две ищейки перед мною
В окнами стоят,
А две девушки на чай
Крестно знаменье творят.

Были и другие стихи в том же духе, но их никто не запомнил. В старую из своих петербургских сестер Игорь влюбился и стал называть ее "Елизаветой Судаком" или "Царевной Суды".

Семья Лотаревых жила на Суде до 1925 г., до смерти Михаила Петровича. После этого дом национализировали, а хозяев выселили. Сыновья Лотаревых еще в 20-е гг. переехали в Москву, получили образование и работали на химических заводах. Екатерина Николаевна переехала в Москву в старшей дочери Елизавете, где прожила до своей смерти в 1944 г. Елизавета Михайловна, по первому браку Якульская, по второму Амосова, с 1911 г. проживала в Москве (Машков пер./ныне ул. Чаплингина/, д.22, кв.14). В ее квартире у нее неоднократно бывал Игорь Северянин, несколько раз приводил Владимира Маяковского. Елизавета Михайловна, некогда названная "царицей грязи", запомнилась автору маленькой, сухонькой старушкой, больной астмой. Именно она сохранила книгу И. Северянина, документы И.П. Лотарева и фотографии...

Т.П.Усачева

СЕВЕРНЫЙ ДИКИЙ А.И.КУПРИНА

О Куприи написано множество статей, диссертаций, пять монографий, несколько книг воспоминаний. Несмотря на это, осталось еще многое "белых пятен" в его творческой и личной биографии. Одной из таких страниц является "даниловским" период.

Даниловское - родовое поместье Батюшковых. Здесь по приглашению Ф.Д.Батюшкова Куприн неоднократно бывал в 1906-1911 гг. Здесь написан ряд произведений, упрочивших военно-русскую славу писателя: "Суламифр", "Изумруд", "Река жизни"; здесь была начата повесть "Яма"; некоторые страницы "Гранатового браслета" созданы на основепечатлений, полученных в Даниловском. "Даниловские времена" оставили глубокий след в душе писателя. "Поклон Даниловским сосновым лесам и зверям... чего бы я сейчас не отдал, чтобы вернуть Даниловские времена..." - так писал Куприн в 1918 г. из Гатчины управляющему имением И.А.Арапову, с которым его связывала многолетняя пружба.

В 1907-1909 гг. Куприн задумал цикл произведений о Даниловском. Указание на это содержится в письме к Ф.Д.Батюшкову из Швейцарии от 2 октября 1909 г.: "Я собираюсь написать о Даниловском" такой же цикл, как и "Дистригоны" (Куприн А.И. Собр.соч.- М., 1972, т.5, с. 502-503). По ряду сведениям, Куприн собиралсядать этому циклу название "Уездный город". Указание на это находим, например, в его письме к М.К.Куприной-Морланской от ноября 1909 (там же, с. 503). К сожалению, цикла с таким названием Куприн не написал. Но существует ряд его произведений, созданных на основе "даниловских" впечатлений.

Первыми в этом ряду стоят рассказы "Лошагунья-стремогва" (1910) и "Черная молния" (1913). Сюда же относится рассказ "Груня" (1916), в котором действие происходит на пароходе (на пароходе Куприн побирался по Даниловского по летам). Написанные в эмиграции рассказы "Песни Черных Юосык" (1921), "Племя утю" (1930), "Бредень" (1933), "Вельдищечы" (1933) составляют вторую часть этого несостоявшегося цикла.

Для изучения этих произведений немалую ценность имеет коллекция архивных документов Устюженского краеведческого музея, не только открывавшая новые факты из жизни Куприна (так, например, хранятся подлинники 19 писем его к И.А.Арапову, записные книжки В.А.Сильгиной-Дильменецкой и пр.), но и дающая ключ к пониманию творческих замыслов писателя. Инициатор создания музея А.В.Борцов собрал еще в 60-е гг. ряд воспоминаний устюженцев о Куприне. До сих пор из 15 воспоминаний опубликовано только одно.

Знакомство с материалами, хранящимися в Устюжене, позволяет сделать ряд наблюдений.

Нравственно-философский поиск, цель которого - определить границы "русского духа", - был не только главной темой, но и основой системно-целостного понимания рассказов "Даниловского" цикла. Свои раздумья о России Куприн кристаллизует в рассказах о Русском Севере. факты реальной жизни Устюженского уезда позволили ему материализовать мысли о судьбе России и о "русской идее".

К перечисленным выше рассказам цикла "уездный город" следует отнести и рассказ "Мельзаг". Прототипом одного из главных героев (учителя Астреина) послужил человек, с которым писатель познакомился в Даниловском. Куприн сохранил фамилию и некоторые обстоятельства жизни этого человека.

Потребность приблизиться к изначальной сути русской жизни, понять причины трагического разрыва интеллигентии и народа, никто не вала Куприна необходимость разработки не только познавательной, но и прогностической установки. "Мысль о России как о целом" (М. Горький) - основная тема второй части "Даниловского" цикла, созданной в эмиграции. Здесь она трансформируется в идею психологического и нравственного родства русских людей из разных слоев общества, представленных в рассказах. Здесь же мы сталкиваемся и с таким интересным явлением, как автопсихологизм: Куприн становится не только повествователем, но и непосредственным участником событий, и носителем "коренных" свойств русского духа.

Очевидно, что рассказы о Даниловском и Устюже интересны не только как свидетельство о давно прошедшем. Жизненной силой является от строк Куприка, пошедших в виде музеиных документов и прекрасных рассказов.

Ю.В.Кицко

ДИАЛЕКТИКА УНИВЕРСАЛЬНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО В СИСТЕМЕ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ЦЕЛОСТИ (РАССКАЗ А.И.КУПРИНА "ШИДОВКА")

В художественной эволюции Куприна Русский Север сыграл очень значительную роль. Здесь определилось отношение писателя к русской революции ("Чудная картина, устами горит!..."); здесь написаны многие программные произведения, ковалась концепция мира, закреплялись художественные обретения.

В ряду этих обретений - неизменное утверждение приоритета универсальных духовных ценностей. И прежде всего - защита человечности. Уже в ранних литературных опытах гуманистическая тенденция

реализуется Куприным тематически очень широко, а типологически – национально многообразно. Его произведения самой различной жанровой природы населены героями многих национальностей: греки и французы, финны и поляки, татары и белорусы, украинцы и итальянцы, американцы и русские, японцы и азербайджанцы, латыши и евреи, немцы и цыгане. Куприн едва ли не самый "интернациональный" писатель рубежа XIX-XX вв.

Рассказ "Жидовка" написан в то время, когда реакция всячески разжигала шовинистические настроения, антисемитизм, – в 1904 г. Он явился звеном в своеобразном цикле. Несколько раньше создан "Трус", чуть позже – "Гамбринус" и "Свадьба", жанровые картины нравов пресловутой "полосы оседлости". А параллельно – романтическая "Суламифь", на грани 30-х гг.– кинодрама "Рахиль".

"Жидовка" интересна как художественный синтез общечеловеческих представлений о ценности красоты, мудрости, справедливости – и конкретных размышлениях представителя "великой нации" о судьбах многострадального народа. Для его характера – равноценно. Сюзан Эсти концентрирует в себе тему красоты еврейской женщины, которая "стережет дух и тип расы, бережно несет сквозь ручью крови, под гнетом насилия, священный огонь народного гения и никогда не даст потушить его". Кашинцев воплощает гуманизм и зоркость интеллектуального взгляда, благодаря которому становится явленной, на общем фоне грязи, бедности и угнетения, "плутовства, робости и неловерия", эта львиная нетленная красота.

Сложность художественной идеи обуславливает самые различные уровни целостности произведения, и его композицию, в которой, например, равновелика роль портретных описаний героев и внутренних монологов Кашинцева, комментирующего и "мыслившего" эти портреты. И интонациональный диапазон, в котором соперничают патетика, драматизм, лиричность и ирония. И языковая пластичность, позволяющая равно убедительно живописать нищенский "заезд" Мойши Хашкеля, "без укоризненную чистую прелест" легендарных почерей еврейского народа, пьяное беочинство Трофима Хвоста, "тосклившую дорогу с мертвыми белыми полинами"... Наконец, жанровая специфика, сочетающая в себе модификации бытовой, социальной, психологической и философской новеллы.

Важной особенностью рассказа становится и страстность художественной оценки, оказываемая особенно наглядной при сопостав-

лении с рассказом Чехова "Красавица". Куприн и Чехов ставят, кажется, одну и ту же проблему: высоконравственное, облагораживающее и почти стихийное влияние красоты на бездуховное окружение. Человек, как и Куприн, соотставляет различные национальные типы женской красоты. Для обоих авторов свойственно философское начало, мировоззренческий пантеизм и т.п. Но чеховская новелла социально нейтральна, элегична по тону — рассказ же Куприна четко ориентирован на злобу дня: события русско-японской войны, еврейские pogromы, метания интеллигентии, бесприютье "низов". За поруганной и все же цветущей красотой Этти Куприн вишит попранную, но не умерщвленную душу народа, который "сокрал повсюду" свой крепкий, горячий, южный тип, сохранил свою веру, полную великих наимен и мелочных обрядов, сохранил священный язык своих вдохновенных божественных книг..."

В сегодняшних преобразованиях мы стремимся восстановить национально-этнические черты каждого, большого и малого, народа своего отромного Отечество. Без развития этих национальных черт невозможен прогресс культурной общечеловеческой целостности. А значит, и полный интернационализм.

С.Н.Доценко

СЕВЕРНЫЕ МОТИВЫ В АПОКРИФАХ А.М.РЕМИЗОВА

Русский Север вошел в жизнь и творчество Ремизова во времена его пребывания в ссылке (Усть-Сысольск и Вологда, 1900-1903). Писатель соприкоснулся не только с интеллигентской жизнью кружка политических ссыльных (см. его главу "Северные Афины" из мемуарной книги "Изверень"), но также с русским и зырянским фольклором. Зырянские легенды и мифы войдут в цикл "Полуночное солнце" (1908), а работа над русскими северными легендами и сказками отразится в книге "К Морю-Океану" и втором (дополненном и исправленном) редакции "Лимонаря" (1912). Тогда же писатель, не без содействия М.Бришнина, обратится к легендам лопарей, жителей "мрачной страны чародеев".

Русский северный колорит заметно отличает "Лимонарь". В него вошли несколько легенд из сборника Н.Е.Ончукова "Северные сказки" (СПб, 1909), обработанные Ремизовым: "Иов и Магдалина", "Чужая вина", "Кузьма и демьян", "Цасхальный огонь" и др. Но более интересны

северные мотивы в повестях, написанных по другим источникам.

"Никола Уголник". Главные источники - сербский духовный стих "Св. Никола и триста старцев иноков", статья Е. Аничкова "Николь-уголник и св. Николай" (1892). Ремизов точно воспроизвел сюжет духовного стиха: Никола на пиру поднимает чашу во славу Бога Христа и вдруг засыпает. Чаша выпадает у него из рук, но не разбивается, Илья попытывает причину сна. Как оказалось, во сне Никола увидел, как буря чуть не поглотила корабль, на котором триста старцев плыли ко Святой Горе. Они обратились к Николе за помощью, и тот спас их от гибели. Но цепь ряд леталей подвергся трансформации. В духовном стихе речь идет о Святой Горе (Афоне); у Ремизова наломники направляются "на Никольщину в Миры Дикийские" (город, где родился, жил и умер св. Николай). Самы наломники оказываются..."старцами столбецкими" и льнут они "по ходиному ступенчатому морю". В поэтической топографии Ремизова "Ступенное море-скелан" - море, омывающее Лапландию и Север Руси (см. карту Лапландии, сделанную Ремизовым - ИИБ, ф. 634, оп. 1, ел. хр. 18). Сюжет духовного стиха переносится на русскую Север, и ремизовский апокриф приобретает "русский" колорит. Никольщина - тоже типично русский обычай спрашивать николу зимнего обильными возглашениями. Русским колоритом отмечены и святые на пиру. Ремизов перечисляет всех святых, известных народному календарю, причем использует их народные прозвища (Петр-полукорм, Афанасий-ломонос, Аксимья-полухлебница, Флорий-слиби рог с зиками, Василий-капельник и т. п.) В юмористике Ремизова Никола - "ышлюбец, страноприимец, вечный странник, нечестивый труженик, чудотворец и заступник за Русскую Землю", - т. е. образ, созданный русскими народными легендами. Он домогает мужик у сберець урожай, подынать иллюзии работы, умилостивить самого Илью, вытащить телегу из грязи. Все эти мотивы Ремизов взял из легенд: "Илья-пророк и Никола", "Касьян и Никола" (из сборника Афанасьева).

"...Надо приспособить и к своей земле (обстановке), и к своим чувствам и понятиям. Приморализование чужих сказаний к своей национальности..." - в этом суть метода Ремизова, обращавшегося к самому различному фольклорному материалу. "Приспособление" к своей земле видим и в других "отреченных" повестях "Димонара". В "Юдальстве Христовом" (1910) вместо трех царей-волков из страны персидской - "три мудрых лошарских царя", которые "владели ветрами, подымали бурю, имели власть двигать морские острова, насыпать

стрели, обращать живое в камень..." (баснословные сведения о лопатских колхунах - асфальт Ремизов почерпнул из книги Н.Харузина "Русские лопари" (М., 1890) и этнографических очерков М.Пришнина). Библейская топография (Иерусалим, Иерусалим) наполняется зимними ("Северными") деталями: снег, мороз, сугробы и т.д. Богородица и Иосиф едут на перепись в Вифлеем в санях, которые ташит лошаденок Синяк, - все подчеркивает местный колорит. Столь же характерна "елка", которую жгут лифлеемские ребятишки.

Евангельскую версию Рождества Ремизов дополняет и апокрифическими мотивами. Так появляется образ повивальной бабки Соломонилы, помогавшей Богородице при родах. Этот образ чередко встречается в русских заговорах. В заговоре, записанном в Вологодской губ., помянута "баба Салманила, коя Иисуса Христа самого повивала, пеленами пеленала..." (Виноградов Н. Заговоры, обереги, спасительные молитвы и проч.- СПб., 1908, вып. I, № 79). Продлительный текст - один из возможных источников этого мотива, обнаруживающего свое "русское" происхождение.

Много позднее Ремизов заметил: "Когда в первый раз я увидел "Вифлеемскую перепись", я как сам побывал в заброшенном фланандском селе "Вифлеем", где чудо Рождества Спасителя мира закреплено в кругу своих земляков - фланандцев на этой земле под "нашим" небом. И не могу свое представить, как иначе изобразил бы я евангельское Рождество". Знаменательно, что Вифлеем Ремизов называет "фланандским селом": картина Петера Брейгеля Старшего "Перепись в Вифлееме" изображающая евангельское событие на фоне северного зимнего пейзажа, становится для него примером того, как это событие можно перенести в иное культурно-географическое пространство и окрасить местным колоритом. Именно таким выходится Ремизову подлинный апокриф.

Д.В.Розанов

ПЬЕСА А.М.РЕМИЗОВА ОБ ИУДЕ В ИДИОЛТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ

Северные впечатления вошли во многие книги А.М.Ремизова. Среди них - "вологодская" повесть "Часы", роман "В розовом блеске", первая редакция романа "Пруд", книга воспоминаний "Иверенъ". Не менее важно и другое. Под влиянием духовной атмосферы Русского Севера, почти не замутненной еще в те годы языковой стихии, со-

вершенно органического бытования устного народного творчества сложился своеобразный фольклоризм Ремизова, определивший на долгие годы направления его стилевых исканий.

Вопрос о мере и степени присутствия современности в стилизациях древних сюжетов был всегда сложен для писателя. "В сказке надо беречь волшебное, а его легко разъять, стоит только приблизить содержание к действительности", - считал Ремизов. Но в его творчестве была сильна и противоположная тенденция - максимально сближить сказочно-архаический сюжет с реальностью своего времени. Это было сделано, например, в первой пьесе Ремизова "Бесовское действие".

В "Трагедии о Иуде, принце Искариотском" (1909, пост. 1916) расстояние между "волшебным" и "действительностью" значительно увеличено, современность с ее проблемами ощущается лишь на самом отдаленном плане. Полностью отсутствуют анахронизмы в качестве видимых знаков затемненных современных реалий (как это было в "Бесовском действие"). В поголовной русификации персонажей "Трагедии о Иуде..." не следует выделить желания автора связать события пьесы с русской действительностью. Это всего лишь отражение естественного процесса русификации, который происходил в русском фольклоре.

Но неожиданно для автора его трагедия попала в ряд злободневных произведений. После поражения революции 1905 г. одиозный еврейский персонаж стал своеобразным героем дня. В статье "о современности" (1912) М. Горький заметил: "Мне кажется, что основная тенденция современной литературы сводится более или менее к переоценке деятельности Иуды Искриота..."

Но пьеса Ремизова вовсе не претендует на "реабилитацию" Иуды. Для автора Иуда - это прежде всего герой мифологии, а уж потом - символ определенного порока. Он лишен той церковно-моралистической оболочки, в которой представлял большинству людей начала XX в. Представление об Иуде как об абсолютном злодее сложилось в средние века - Ремизов же обращается к более древним мифологическим пластам.

Тем не менее, "Трагедия о Иуде..." связана с идеологией своего времени. Но связь эта лежит в иной плоскости. Ремизовский Иуда, решаясь идти к Христу, говорит: "Я слышу его голос. Он зовет меня, чтобы я принял на себя за весь мир последнюю и самую тяжкую нину". В сущности, Иуда совершает грех во имя великой цели - погиб-

победы учения Христа и, в конечном итоге, как он полагает, для всеобщего счастья людей. Если отвлечься от христианской образности, то перед нами ощущение ярких вопросов, которые в определенные исторические эпохи приобретают особое значение и в "общумлении" которых всегда участвует искусство.

Тема "последней жертвы" в идеологическом и нравственном аспектах широко обсуждалась в "волгоградском кружке" молодых литераторов, философов, революционеров. Материалы переписки между членами кружка, проблематика их позднейших произведений позволяют утверждать, что идеология "волгоградских споров" нашла прямое отражение в трактовке Ремизовым основного образа этой трагедии.

Е.К.Созина

ПРОБЛЕМА ЭВОЛОЦИИ СЕВЕРА В ТВОРЧЕСТВЕ УРАЛЬСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ (К.Д.НОСИЛОВ, П.П.ИНФАНТЬЕВ)

К.Д.Носилов (1858-1923) был крупным ученым и общественным деятелем. Он оставил свой след в этнографии, зоологии, минералогии, геологии. Писатель и публицист, он сотрудничал со многими газетами; его произведения ценили Чехон, Толстой, Горький. С 1883 г. он начал путешествовать по русскому, уральскому и сибирскому Северу, с 1887 г. совершил несколько экспедиций на Новую Землю, в 1890 г. исследовал Ямал и разработал план водного пути через полуостров.

П.П.Инфантьев (1860-1913) в молодости присоединился к социал-демократической группе Д.Благова, в 1890-91 гг. отбывал одиночное заключение в петербургских "Крестах". В 1892 г. его путь скрестился с Носиловым: они вместе отправились на северо-запад Сибири, в края ногулов (манси). В 1900-х гг. Инфантьев проживал в Ненгерске, много путешествовал по Архангельскому и Мурманскому краю. С апреля 1912 г. был редактором журнала "Заветы".

Эти литераторы внесли в художественную литературу многие малые народности страны, не только не обладавшие тогда письменностью, но еще не осознавшие себя как самостоятельные этнические общности. Они привлекли внимание общества к самой проблеме "инородцев", в конце XIX в. уже находившихся на грани вымирания, разкрыли перед читателями обаяние и самобытность жизни российского Севера. Терпимость к широте взгляда, уважение личности человека иного этнического и культурного мира - этот полюс, свойственный лучшим рус-

сним ученым (А.Н.Пыпин, А.Л.Щапов, Н.М.Ядринцев), был характерен и для наших авторов.

Просветительские-подулярные зачаи непосредственно определяли структуру произведений Инфантьева. Большинство очерков и рассказов открывалось беспристрастным, этнографически точным введение в жизнь народа, далее следовала "беллетристика": остросюжетная история о представителе этом народности, презентативная или бытовых и морально-нравственных представлении общности в целом. Но существу, в своей этнографической занимательности Инфантьев пытался реализовать принцип единства науки и искусства, о котором писал А.Н. Пыпин (см.: История русской этнографии, т. I.- СПб., 1890, с.424). Его художественный метод мы обозначаем как "просветительский этнографизм".

Идея братства и родства всех народностей, единства их общих человеческих корней - основная идея писателя. Буквально в каждом народа он стремится подчеркнуть ценные, добрые черты. О "своих корнях": "мирный, гостепримный, честный и добродушный народ" (Сибирские рассказы.- М., 1909, с.4). О "самоедах": "Заштые в звериные шкуры, о искаченными кровью лицами, эти люди казались сами какими-то хищными зверями, хотя на самом деле это были самые кроткие и миролюбивые люди на свете" (На Севере паком: рассказы из жизни самоедов.- СПб., 1907, с.19).

Таинственный и глубоко интересной, имеющей внутренний смысл представляется жизнь "дикаря-самоеда" К.Д.Носилову: "Какой трагательный обычай, сколько поэзии, мысли в нем заключается у этого нации гр.бого, невежественного дикаря!" (На Новой Земле: Сцени и наброски.- СПб., 1903, с.307). Повествуя об истории Фомы Быки, ставшего основателем немецких колоний на островах новой Земли, Носилов не скрывает восхищения богатством и силой характера "самоеда", его врожденным достоинством и острым умом, позволяющим "дикарию" стать губернатором острова. Скрупулезность и научная точность в описаниях явлений природы и человеческой жизни сочетаются у писателя с поэтическим лиризмом человека, увлеченного в этот край и в его обитатели.

Писатели повествуют о страшной нищете, в которой живут коренные жители западельных районов России, о просвещавших там писателе и болезнях, о хроническом голоде и т.п. Инфантьев оказывает тся жестче и суровее Носилова. Из одноге и того же путешествия по

реке Конке (приток Иртыша) первый выносит страшное впечатление о гниющем замке ребенка в смрадной югурльском юрте; второй - радость узнавания "души" народа в разыгранных югулами театре, в старинных песнях дедушки Савьи. Внешняя безэмоциональность письма Инфантъева подчеркивает тягостность общей картины и беспомощность русских путешественников облегчить страдания несчастных "инородцев". Высок по развитию цивилизация несет им дополнительные беды, ибо она - "слепая, стихийная сила", ибо "они не могут ей противопоставить силу народного образования и просвещения" (Поездка на Белое море. - СПб., 1911, с. II8); причем, вывод этот относим и к архангельскому помору, и к мурманскому рябау.

Призыв к прогрессивному развитию малых народностей сочетался и у Инфантъева, и у Носилова с личной тягой к простой, естественно-соприродной жизни "ликарей", поскольку в ней - слияние с миром, гармония внешнего и внутреннего, которой лишена полная лиссонаансов и противоречий "цивилизация". И в полярной тундре (Носилов), и на просторе Беломорья (Инфантъев) писатели видят бесконечность и неисчерпаемость жизни, единой для всех живых существ и искусственно затормаживаемой в душных квадратах городов. Возникающее чувство "полноты жизни" не случайно: в те годы складывалось учение В.И. Вернадского о биосфере, и мысли о "живом веществе" в различных формах присутствовали в сознании его современников. В частности, в полном соответствии с биосферными законами Н.М. Ярилов сформулировал свое положение о зависимости экономического и культурного состояния сибирских "инородцев" от сохранения целостности или, напротив, разрушения природных условий их существования русскими колонизаторами, приход которых нарушил сбалансированный уровень организованности окружавшей среды и, следовательно, неминуемо вызвал упадок культуры коренных жителей. Эту зависимость отмечал и Инфантъев. Путь просвещения "тихих" племен, указанный русскими "утопистами" конца XIX в., был действительно единственно верным путем (поскольку прервать насильственную колонизацию края было уже невозможно): просвещение должно быть органичным для сознания и образа жизни народов, для окружающего их природного мира. Речь шла об экологии природной среды и культуры Севера, о воспитании вместе с развитием человека нового уровня баланса биосфера.

Одновременно путь просвещения малых народностей влек за собой формирование у них этнического самосознания, необходимейший компоненты складывания целостного этноса (Ю.Бромлей), более способного к самозащите и сохранению национальной культуры, нежели "несозидающие", архангельские народы. Таким образом, книги Носилова и Инфантьева способствовали не только гражданскому воспитанию русского читателя, но и объективно "работали" на этническое становление тех общинностей, о которых они с любовью и сочувствием писали.

А.И.Иванов

РУССКИЙ СЕВЕР В ТВОРЧЕСТВЕ А.С.СЕРАФИМОВИЧА

Мощь Севера, сочность красок в описании северной природы - ярчайший признак ранних рассказов А.С.Серафимовича. Необычный колорит счасти объясняется тем, что Север был увишен глазами юноши, выросшего в приольмских стенах, знакомившегося с новой для него жизнью. В то же время могучие леса, суровое Белое море и своеобразная река описаны в рассказах "На льдине", "На плотах" языком художника-романтика. Не случайно первые критики Серафимовича упрекали его в романтизме, в подражании Короленко, в расгочительности красок. Упреки эти, во многом справедливые, следует, однако, уточнить.

Щедрость красок ранних рассказов Серафимовича, необычная для реалистической литературы конца XIX в., была вызвана стремлением подчеркнуть величие природы, среди которой, наряду с мужественными и сильными лицами, живут разного рода хищники и стяжатели. Здесь отчетливо ощущается противостояние природы, внешних сил и людей с их "мелкими" страстями. Далеко не случайно такие пороки, как алчность, хищничество, показываются автором на фоне могучих северных пейзажей. Молодой писатель словно предвидит, что эти люди и их "страсти" станут одной из причин гибели вековых лесов и рек.

При рассмотрении северного цикла Серафимовича как части его творческой биографии обращает на себя внимание соотношение сил могучей природы и "слабостей" человека. Если в северных рассказах первозданная природа несравненно сильнее человека, то в более поздней повести "Нески" такие "слабости" людские, как хал-

ность, стремление во что бы то ни стало стать обладателем хозяйства, представлена уже на равных с природной стихией - неотвратимо наступающими пустынными песками.

Обратившись к раннему творчеству Серадимовича, можно с уверенностью предположить, что основной угол зрения на отношения человека и природы был выбран автором именно на Севере.

Б.И.Маркса

ТВОРЧЕСТВО Н.А.КЛЮЕВА В СЛНЕТ ТРАДИЦИЙ РУССКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

В XIX в. наибольших успехов в собирании и изучении фольклора добились исследователи, не принадлежащие к крестьянской среде (П.Н.Рыбников, А.Ф.Гильцердинг, Е.В.Барсов и мн.др.). Характерно видение собирателей от "сказителей", создание "паспортичек", в которых стали указываться не только имя, возраст, степень грамотности, среде проживания, но и имена учителей воспитателей фольклора.

В начале XX в., наряду со взглядом на Север "извне" появляется взгляд "изнутри": духовные сокровища родного края начинают осмыслять писатели. Выразительный пример - деятельность поэта Николая Клюева. Если в начале творческого пути он ощущал себя маленьким братом символистов (А.Блока, В.Брюсова и др.), то позже очень скоро осознал свою "особенность" и стал зачинителем "новокрестьянской" поэзии. Здесь ему помогла не только выпитанная с молоком матери традиционная крестьянская культура, но и богатейший опыт русской фольклористики.

Его позднейшая самохарактеристика: "Я - самый крупный знаток фольклора в СССР" (Русский фольклор, вып.ХУ.- Л., 1975, с.205) опровергается: он много записывал произведения устного народного творчества, собирая образцы материальной культуры Севера. В годы революции он создает в Вытегре фольклорный кружок под названием "Похвала народной песне и музыке. В числе его знакомых был известный фольклорист Ю.М.Соколов (см.: Авадовским К.М. Ю.М.Соколов и Н.А.Клюев.- Русский Север.- Л., 1986, с.214-218).

Но в еще большей степени Клюев ощущал себя сказителем нового типа. Правившихся ему поэтам он называл "сказителями", себя - "песенником". В автобиографии он указал на свои "сказительские" корни:

мать Клава, Прасковья Дмитриевна, была талантливой скетчисткой и плачевкой. Сам поэт носил народный костюм; его ленинградская квартира напоминала избу.

В единственном прымкленном собрании сочинений – "Песнослов" (1919) Клев спубликовал два цикла стихов, стилизованных под фольклор: "Братские песни" и "Песни из Заонежья". Сам "Песнослов" структурно близок к фольклорным сборникам XIX в. Так, ф.Истомин, объясняя логику построения записанных в Архангельской и Монецкой губерниях "песен русского народа" (СПб., 1894), отмечал необходимость следующей последовательности: песни, отражавшие религиозные чувства народа, представления об истории и исторических лицах, важнейших сторонах быта, любви и семейной жизни; заключают книгу песни горя-тыремные и рекруские. Разумеется, "Песнослов" демонстрирует не только подобный "исследовательский" подход к народной традиции, но и спор с ним. Разделы сборника "Долина единорога" и "Красный рык" оспаривают тезис об угасании народного творчества. Поэт утверждает, что народ-творец способен к возрождению и развитию при условии возрождения всего национального крестьянского уклада.

А.Н.Дуэр

СЕВЕРНЫЕ ОЧЕРКИ БОРИСА ПИЛЬНИКА

Русский Север постоянно волновал воображение Бориса Пильника (Б.-А.Богау, 1894-1937). "Нонгородцы называли Русский Север – Землюльцем", – писал он, стремясь проникнуть в тайны этого сказочно-фантastического и суромого мира. Эта устремленность привела в конечном итоге к созданию "северного" цикла, в котором тесно переплетается очерковая и беллетристическая проза Пильника. Художественную основу цикла образует своего рода диалогия, порожденная очерком "На Шлиссбергене" с повестью "Землюльце". Большая часть очерка стала достоянием повести, что весьма характерно для авангардистской поэтики Пильника: очерки с его абсолютной жизненной достоверностью на разных уровнях с множеством других компонентов вошли в мозаичное художественное целое.

Таким синтез характерен для всего цикла, куда постепенно добавились очерки-путешествия "Самолет в лесах", "Соли камские", "Россия в полете" и роман "Диомиды". Соединение очерковой ка-

крайности с беллетристической художественностью – это доминанта во всех северных пейзажах Цильняка, исключая урбанистические (образ Архангельска) и маринистические. Цильняковские пейзажи чаще всего имеют укрупненное пространство, позволяющее в одном повествовательном "кадре" разместить и космос, и океан, и землю.

Становится очевидным, что семерные пейзажи Цильняка в результате такого глобального сопряжения обретают символическую значимость, а пейзажный символизм способствует воплощению философии Севера, направленной на утверждение закона братства. В пейзажах Цильняк показал, какая страшная и грозная стихия противостоит человеку на севере. Только в братском союзе человек может выйти победителем в поединке с космическими северными стихиями. Цильняк подчеркивает: "И традиции севера крепко научили человека знать, что человек человеку – брат; если человек пришел в чужой дом – дом не заперт и у него ничего нет, там для него оставлены винтажка и пища". Братство на севере – настолько великая сила, что может победить даже смерть. Для Цильняка сообщество людей севера – это идеал человеческого существования, ибо оно имеет единственным законом – "законом братства и мужества"

В.А.Черняков

УРОВЕНЬ И ХАРАКТЕР РЕЛИГИОЗНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РУССКОГО СЕВЕРА И ПРОБЛЕМЫ КУЛЬГУРЫ

В историческом развитии духовной культуры человечества имели место разные периоды функционирования в ее рамках религии, неоднозначный характер взаимоотношения религиозного и эстетического сознания. Несмотря на многовековую связь религии и искусства, на их некоторые черты общности, все же следует иметь в виду, что религия зачастую извращала земную сущность искусства, относилась к нему потребительски. Это не значит, что религия не оказала никакого позитивного влияния на развитие искусства. Напротив, как при анализе церковного искусства мировых религий, так и в светском искусстве, мы обнаруживаем множество примеров такого влияния. вместе с тем, нельзя не заметить, что начиная с эпохи Возрождения проходит секуляризация искусства (хотя в отдельные периоды в отдельных странах можно наблюдать и тенденцию к его сакрализации).

Как показывает анализ архивных материалов, периодической печати, научной и художественной литературы, имеющих отношение к характеристике культуры Русского Севера конца XIX - начала XX вв., прослеживается определенная связь между уровнем и характером религиозности людей, уровнем их образования, социально-экономическими и социально-классовыми условиями, в которых они находятся. При этом нельзя сказать, что религиозность человека является признаком его низкой культуры. Можно назвать сотни выдающихся мыслителей и художников, веривших в Бога; имеются и примеры другого рода, когда воинственно-атеистические взгляды человека приносили вред как культуре его собственной, так и культуре всего народа. Достаточно вспомнить акты вандализма в отношении к памятникам церковной культуры в 20-30-е гг., чтобы убедиться в этом.

Не обошла эта волна и Русский Север. В архиве редакции газеты "Безбожник" хранится письмо члена Союза воинствующих безбожников из Вологды Д.Б.Кашинцева, датированное 26 июля 1928 г. В нем автор пишет: "Гражданин редактор! Считай не лишним попелиться с вами, как у нас в Вологде отшли и отжигают очаги Дурмана или спички народа. "Храмы боязные" для многих граждан теперь отжигание и совершение неумные учреждения:

1) Сломана церковь беззрицкская на Советском проспекте (бывш. Московской улице) в 1925 году - Афанасия Александрийского.

2) На этой же улице рядом с ней - доламывается церковь Николы, что на Сенной.

3) Бывший всеградский собор Спасителя с 1927 года перепелен в кино, под названием "дома Искусств", где кроме кино читаются лекции по научным вопросам, даются концерты, вместо прежнего Дурмана Половского. Посещаемость ежедневно в настоящее время громадная.

4) почти рядом упразднена в 1927 г. церковь Иоанна Предтечи. Колокола сняты и увезены, некоторые иконы помещены в Государственный музей, находящийся в бывших "покоях" Архиепископа и Константина... и т.д. (ЦГАОР, ф.5407, оп.2, ед. хр.14 (I-2), л.53)

Таким образом в результате "безбожных дел" в Вологде было уничтожено почти 20 храмов, в Череповце - 5. Тут нельзя сбрасывать со счетов тот факт, что народ жаждал обновления, стремился разстаться с "проклятым прошлым". Теперь мы наблюдаем обратный процесс: значительная группа людей мечтает о возврате к прошлому, которое идеализируется и представляется еще более светлым, чем

раные мыслилось будущее.

Анализ истории развития культуры и ее важнейшего элемента - религии - позволяет предположить, что религиозность человека - это многоуровневое явление. Если первый уровень связан с низким состоянием материальной и духовной культуры, то второй возникает на более высоком рубеже ее развития. С расширением и углублением познания объективного мира расширяется и область непознанного, а отсюда появляется и возможность воспроизведения религиозности и на новой ступени развития культуры. При этом религиозность становится одним из способов раскрытия духовной сущности человека.

Н.П.Морозова

ЧЕРЕПОВЕЦКИЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО БЮРО В.Н.ТЕНИШЕВА

В архиве Этнографического бюро кн.В.Н.Тенишева (ОР Музея этнографии народов СССР, ф.7) хранится 1866 рукописей - ответы на вопросы обширной Программы, присланной собирателями из 23 губерний Центральной и северной России. Наиболее изученными оказались Орловская, Вологодская и Новгородская губернии.

95 рукописей (более 2-х тыс. листов) поступило в Бюро от череповецких краеведов. Их записи отличались глубиной, детальностью наблюдения, профессионализмом и были широко использованы в изданных Бюро трудах: книге С.В.Максимова "Нечистая, нечеломая и крестная сила" (СПб., 1903) и книге В.Допона "Русская народно-бытовая медицина" (СПб., 1903).

Материалы Бюро дают широкое представление о жизни череповецких крестьян. Местные промыслы, торговля, уклад жизни, верования, фольклор, народная медицина и многое другое отражено в записях череповчан (все записи сделаны в 1897-1900 гг.).

Мемуарная литература, хроники Череповецкого уездного земства, публикации новгородской земской печати позволяют в значительной степени восстановить биографии череповецких корреспондентов Тенишевского бюро.

Учитель Адриан Никитич Власов (1852, Никифоровская вол. Устюженского у. - 15 января 1902, Череповец) - самый активный собиратель, составитель 40 рукописей. Родился в крестьянской семье. В 1872 г. окончил Новгородскую учительскую семинарию, затем преподавал в Устюженском уезде. В 1882-1901 гг. он был учителем с. Покровское

Щухтыской вол. Череповецкого уезда. "Черки народного образования в Новгородской губернии за 1884/5 уч. год" (Новгород, 1887) писали об этой школе: "Помещение состоит из шести комнат" класса, начальной, квартиры учителя (в 3 комнатах) и кухни. В классе может разместиться до 60 учеников. 9 окон, печь кирличная. Комната квадратная" (с. 353). В 1901 г. А.Н. Власов перешел на службу в земское училище, но вскоре такоже заболел и скончался от скоротечной чахотки. "Вестник Новгородского земства" (1902, № 5, с. 37) сообщал по этому поводу: "Человек пробыл учителем 29 лет, отдал много всего свою жизни, а оставил по болезни службу - негде жить, нечего есть и нечем лечиться, хоть лежись под забор и умриай о голоду. ... Два месяца он лежал у родственников, потом Череповецкая земская управа дала ему содержание и комнату в своей больнице, где он пользовался внимательным уходом, а директор народных училищ Новгородской губернии приспал 50 рублей в пособие". В записях А.Н. Власова, помимо разнообразных этнографических материалов, сохранились бытовавшие в уезде сказки, анекдоты, пословицы, поговорки, загадки. Прелестныают интерес его лингвистические наблюдения.

Учитель Василий Антипович Антипов, заведовавший уломской второразрядной школой, а позднее занимавшийся вопросами народного образования как член Череповецкой городской управы, приспал в Бюро 24 рукописи. Особую ценность представляют его рассказы о местных книгохранилищах, их литературных вкусах, списки крестьянских библиотек. В.А. Антипов - автор любопытных мемуарных очерков об истории уломской школы и жизни сельского учителя.

13 рукописей поступило в Бюро от учителя Александра Григорьевича Васильева (1860, Ноаг. уезд - после 1900). В 1881 г. окончил новгородскую учительскую семинарию и стал учителем земской школы с. Борисово Боголюбской вол. Череповецкого уезда, где, помимо школы, проработал большую часть жизни. Упоминавшиеся "Черки народного образования в Новгородской губернии..." так характеризуют Борисовскую школу: "Помещение - иземный у частного лица дом; расположено училищное здание среди селения, недалеко от церкви и кладбища. Домою комнат в Номе три: одна классная, две небольших для учителя. В классе может поместиться не более 40 учеников, окон в классе - 6. Чечь голландская. Помещение тесное и душное" воззреныи на природу, демонологию, мера в знакарей, колщумов,

смалебные причеты, песни, брачная жизнь, супружеская неверность, рождение и воспитание детей - вот некоторые из тем записей А.Г. Васильева.

Ногтобную запись смалебного обряда прислал учитель Коротовского училища Андреи Иванович Карпов. Он происходил из местных крестьян, в 1885 г. окончил Череповецкую учительскую семинарию, в 1901 г. стал учителем популярной у местных жителей Уломской школы. Вторая из присланных им рукописей рассказывает о праздниках, охоте и рыболовстве, пище череповецких крестьян и о многом другом.

Любопытные материалы по народной медицине вошли в состав 5 рукописей уломского фельдшера Михаила Кондратьевича Герасимова (6.06.1876, Весьегонск - после 1902, там же), автора "Словаря Череповецкого уездного говора". Чрезвычайно интересные наблюдения над народной демонологией принадлежат также его жене, Евдокии (отправила в Бирю 6 корреспонденции). Помимо разнообразных рассказов о водяном, лесовом, баннике, Е.Герасимова приводит свидетельства древнего культа деревьев: "Есть ряд случаев, в которых играет роль не стоящее на корнях дерево, а только изделие или сооружение из него; но почитание и вера в какую-то силу, происходящую именно от дерева, ясно прослеживается из следующих фактов: при некоторых болезнях проталкивают или, вернее, продевают детей сквозь ступени сквозной лестницы (Л.Бор Уломской вол., с.Мороцкое Мороцкой Ю.Л.). Далее при боли в пояснице трутся обнаженными поясницами о подпорки, стоящие около заборов, или о средней стенке овинна. Маленьких детей при бессоннице стукают пальцами о стенку в нежилой хоромине".

Одна рукопись ("Местные условия жизни, Календарь сельхозработ. Взаимоотношения с властями") была послана из усадьбы Александрино Ягановской волости Череповецкого уезда Алексеем Алексеевичем Петяновым.

В.С.Белоненко

МАТЕРИАЛЫ ОТДЕЛА РУКОПИСЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПУБЛИЧНОЙ
БИБЛИОТЕКИ ИМ.М.К.САЛTYКОВА-ЩЕРИНА ПО ИСТОРИИ
ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Отдел рукописей ПБ волею судеб является обладателем колоссального массива памятников истории и культуры Вологодской области о древних временах до ХХ в. Широко известны в научном мире такие фонды отдела, как библиотека б.Кирилло-Белозерского монастыря, основное собрание актов и грамот, собрание Софийского собора в Новгороде, основное собрание рукописных книг, - в которых соеди-

Логично тысячи документов и книг вологодского происхождения. Последние три века, помимо материалов церковного происхождения, представлены в хранилище личными фондами А.В.Макарова, К.Н. и П.Н.Батюшковых, В.В.Верещагина, Н.Д.Чечулина (В общей сложности материалы этих лиц по хранилищам Ленинграда составляют около 1500 единиц хранения).

научно-информационное, исследовательское и, в особенности, общественно-культурное освоение этих памятников оставляет желать много лучшего. ОР ПИБ предлагает подготовить и издать по заказу заинтересованных вологодских учреждений, организаций и обществ каталог материалов ХУДОЖНИКИ в. уроженцев Вологодской области, хранящихся в архивах Ленинграда. Мы можем принять участие в разработке и совершенствовании музейных экспозиций Батюшковых Чечулиных Макарова и Верещагина. Необходимые из материалов ПИБ можно скопировать тем или иным способом (серокопия, фотокопия, муляж) для стационарного экспонирования. Фонд мои бы организовать работу по копированию живописных полотен В.В.Верещагина и т.п.

Между Ленинградским и Вологодским отделениями Славянского фонда необходимо наладить творческую и деловую связь и разработать совместные акции в области музеино-выставочной и концертной деятельности, научно-информационного раскрытия и исследования различных историко-культурных комплексных памятников: Спасо-Преображенского, Кирилло-Белозерского, Антониев-Дымского, Воскресенского Череповецкого и других монастырей Русского Севера. Необходимы также совместные усилия в деле разработки и издания каталогов различных профилей, сборников документов и литературно-исторических памятников Вологодчины, интерес к которым постоянен и широк.

Общественно-культурное освоение памятников русской истории, литературы, науки, искусства, общественной деятельности и мысли состоит в том, чтобы сам народ, подготовленный и организованный национальной интеллигенцией, естественным образом превращал бы памятники культуры, - часто оторванные не только от источника и места своего рождения, но и от современной культурной жизни, особенно провинциальной, - в источники своей живой культуры. Культура интеллигентии должна быть народной культурой, а народная культура должна быть интеллигентной. Лишь совместные и неорганические усилия могут дать результаты не только на уровне элитарной науки, но и на уровне культуры народа, национального сознания.

ФОНДЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ОКТЯБРЬСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА ЛЕНИНГРАДА
КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ССЫЛКИ НА РУССКОМ
СЕВЕРЕ В КОНЦЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВВ.

Одни из фондов ЦГАОР Ленинграда, лишь недавно ставший доступным исследователям, составлены материалами Ленинградского отделения Всесоюзного общества политкаторжан и политсырьенцев. Эта организация существовала в 1924-1936 гг. и за короткий срок сумела собрать большое количество документов, фотографий, статей и воспоминаний ссыльных членов. Историко-исследовательская и собирательская работа в обществе велась по секциям, и одной из наиболее активных была секция по изучению культурной роли политссыльных.

Она была организована осенью 1928 г. и занималась исследованием влияния и быта политической ссылки со времен декабристов; однако основная часть собранных материалов относится к 1880-1917 гг. Насчитывала секция около 60 человек; к ее работе привлекались не только политкаторжане, но и бывшие революционеры, сосланные как в административном, так и в судебном порядке. Основное внимание уделялось регионам Сибири и Дальнего Востока (так, были собраны интересные воспоминания составителя якутского словаря З.Н.Пекарского или известного исследователя Сибири, основателя секции народовольца С.П.Швецова - ф.506, оп.1, л.211,256). В ноябре 1931 г. была создана специальная Архангельская подсекция, вскоре наиболее активной и многочисленной (в 1933 г. - 28 человек). Ее называли также полсекцией "Ближнего Севера", так как туда входили и бывшие ссыльные Вологодской и Олонецкой губерний (там же, л.323, л.37; л.483, л.6).

В обращении по поводу создания указанной подсекции говорилось: "Архангельская ссылка была рассадником культуры в整個 крае... Жизнь политссылки... ценный материал для истории развития культуры Северного края" (там же, л.324, л.5). Знакомство с архивными материалами наглядно убеждает в правильности такого вывода. Эти сведения содержат воспоминания П.А.Терского "Архангельская политссылка - Печерский край", Л.А.Ремянниковой "Административная ссылка в Приморье и Онеге", Г.В.Жильникова "О колонии политссыльников в Усть-Сысольска в 1907-1908 гг., книжника "О Мезенской и Приполярской колонии политссыльных в 1909-1908 гг." и т.п. В них го-

ьорится о роли революционеров в ликвидации неграмотности местного населения, его общем культурном развитии (создание библиотек, драматических трупп, клубов, проведение публичных бесед, чтений, писпутов). Оказывали политосыльные и медицинскую помощь, боролись с эпидемиями, вели агитацию за чистоту и гигиену. Необходимо отметить их роль в развитии на Севере различных ремесел, привнесение новых инструментов, сельскохозяйственных орудий, рыболовных и охотничьих принадлежностей. Кроме того, они активно участвовали в научном изучении края. Так, в 1909 г. 62 политосильных работало в двух научных экспедициях в бассейне реки Печоры. Они собирали растения, насекомых, камни, проводили опыты по выращиванию овощей, учли ненцев делать оленям прививки и т.д. В отдельных населенных пунктах, где число ссыльных достигало большой цифры, их культурное вовлечение было особенно значительно (в селе Усть-Цильма на 3 тыс. жителей - 230 освобожденных, в Усть-Сибирске - более 1100 ссыльных, в Грязовце - несколько тысяч и т.д.) (Там же, л.265, 471, 487 и др.).

Кроме материалов секции по изучению культурной роли политосильных, определенный интерес представляют личные дела членов общества политаторов, содержащие разного рода документы об их пребывании в Русском Севере. Можно упомянуть дела первого председателя Екатеринбургского Совета, одного из участников расстрела Николая II П.М.Быкова, члена Петроградского комитета засоров П.А.Терского, анархистку П.В.Тыченко-Майер (там же, л.65, 459, 496). Наконец, надо отметить, что указанные материалы могут быть существенно дополнены воспоминаниями революционеров, отбывавших ссылку на Севере, хранящимися в других, недавно снятых с ограниченного доступа фондах ГГАОРН - Коллекции документов по истории фабрик и заводов, Редакции по истории Денисова и т.д.

Л.А.Шорохов

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБЩЕСТВО ПОМОИ БОРЦАМ РЕВОЛЮЦИИ И ЕГО РОЛЬ
В ОБЩЕСТВЕННОМ И КУЛЬТУРНОМ РАЗВИТИИ ВОЛОГОДСКОЙ ДЕРЕВНИ
В 1923-1926 ГОДАХ

В 1922 г. на IV конгрессе Коминтерна в Москве было образовано Международное общество помощи борцам революции (МОПР). Ему ставилась задача оказание разнообразной помощи политзаключенным и

их семьям в капиталистическом мире. В СССР МОПР был образован в условиях новой экономической политики, означавшей в сфере общественной переход от военно-административных методов руководства к демократическим. Последние предусматривали возрастание инициативы и самостоятельности трудящихся, одной из форм которых становились добровольные общества или организации. МОПР втянул в орбиту своей деятельности миллионы людей, он пользовался популярностью среди трудящихся. За годы работы он окказал огромную материальную, моральную и юридическую помощь тысячам политзаключенных в буржуазном мире, но не менее значительна его деятельность в общественной и культурной жизни страны. За годы своей работы издательство МОПРа в СССР выпустило 2013 тысяч изданий различного рода печатных материалов общим тиражом 105 млн. экземпляров. Среди издаваемых МОПРом журналов заслуженным авторитетом пользовался журнал "Интернациональный маяк", с которым сотрудничали видные советские и иностранные литераторы. Исключены заслуги организаций и в деле укрепления дружбы и сотрудничества между народами, в международном воспитании людей.

В 1920-е гг. в условиях национализации деревни была на ходу реформа, которая усиливалась тягу крестьян к общественной жизни, к культуре. Но отдаленность многих деревень от культурных центров, отсутствие образованных людей, неграмотность части сельских жителей стали препятствием этим стремлениям. Формы общественной жизни были еще не развиты, местные Советы в ряде районов - весьма слабы. В марте 1923 г. в Вологодской губернии была образована организация МОПРа (Вологодский обл. парт. архив /БОПА/ ф.1855, оп.1, вл. хр.236, лл.5-10). Она сумела в известной степени внести новую струю в общественную жизнь ряда деревень, повысить интерес крестьянства к политическим и культурным событиям в стране и за рубежом. Вокруг сбора средств для помощи политзаключенным капиталистических тюрем развернулась широкая агитационная кампания: проходили митинги, съезды, чтения писем и т.д. Это становилось для части крестьян первым шагом к политическому самосознанию.

В 1926 г. МОПР в губерниях насчитывал 28823 членов, значительную часть которых составляло крестьянство. В 1926-29 гг. было собрано 100329 руб. для помощи политзаключенным. МОПР губерниям взял на себя помощь политзаключенным шести тюрем в Болгарии, Германии, Польше и Эстонии, куда были отправлены десятки писем и

значительные средства. Шефство над политзаключенными вызвало интерес у крестьян, ибо было лишено какого-либо формализма. В губернии действовало 72 центра монгольской идеологической работы, где, кстати, велась работа и по ликвидации неграмотности населения. Монгольские организации активизировали работу в отдаленных уездах губернии: так, в 1927 г. в Тотемском уезде насчитывалось 40 ячеек, несколько постоянно действующих кружков. В деревнях уезда выпускались монгольские журналы. Крестьяне привлекались к выборам местных Советов, к различного рода политическим акциям. Все это способствовало развитию как общей, так и политической культуры крестьян, участия их в общественной жизни.

В 20-е гг. парторганизации шли еще в русле ленинских принципов и традиций. Они сумели оценить демократический и самоделательный характер МОНПа и оказать ему поддержку (ВОДА, ф.1853, оп.6, ед. хр.179, лл.4-5). Они строили свое влияние на развитии и деятельности МОНПа через коммунистов, постоянных его членами (там же, ед. хр.180, л.9). В начале 30-х гг. в стране свертываются демократические начала, устанавливается господство административно-бюрократической системы. В этих условиях МОНП утрачивает свой первоначальный характер массовой демократической организации тружеников, носившей самоделательный характер. Все это относится и к Вологодской организации МОНПа.

В.А.Черняков, С.И.Корыленко, А.Н.Новиков ОСОБЕННОСТИ СЕКУЛЯРИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ РУССКОГО СЕВЕРА

Под секуляризацией в марксистской литературе понимаются различные исторические этапы высвобождения от религиозного влияния всех сфер жизнедеятельности общества и личности. В процессе секуляризации религиозные институты лишаются социальных функций, происходит вытеснение религиозных представлений и замена их светскими. В основе современного этапа секуляризации лежит и кризис религии, который "проявляется не только в угтрате ее бытого места и функций в обществе. Он находит отражение "внутри" религии; в ее структурных элементах, во взаимосвязях этих элементов. Резьмиается религиозное сознание, деструктивные процессы происходят в культе, расшатываются религиозные отношения..." (Яблоков И.Н. Социология религии.- М., 1979, с.146).

Для получения адекватной картины секуляризационных процессов в стране очень важным представляется их изучение на региональном уровне. При этом необходимо ясно представлять особенности объекта исследования, которые отражаются и на особенностях секуляризации (географические границы, численность населения, его социально-классовая структура и демографические характеристики, влияние миграционных процессов и урбанизации, влияние религиозных традиций и т.п.).

Вологодская область относится к регионам, где в прошлом были очень сильные религиозные традиции. Она была областью, на территории которой, по выражению В.И.Денина, "царят патриархальщина, полулихость и самая настоящая ложь" (ПСС, т.43, с.228). В начале ХХ в. в деревне проживало 95,3% населения всем губернии. Грамотных было лишь 19,1% (из них только 6,7% - женщины). Мельцинское обслуживание находилось в крайне запущенном состоянии: в губернии не было ни одной детской лаборатории, а единственный реальная дом был лишь в Вологде. Поэтому детская смертность была весьма высокой: только в 1909 г. умерло в возрасте до 1 года 17649 детей. На этом фоне почти сплошная религиозность населения была неудивительной.

Победа революции и последующие социально-экономические и культурные преобразования способствовали более интенсивной секуляризации населения Европейского Севера, в том числе и Вологодской губернии, чем южных районов страны. Это можно объяснить не только и не столько успешной атеистической пропагандой, сколько тем, что труженики сами приняли более активное участие в этих преобразованиях. вместе с тем, как показали последующие события, эти преобразования не привели к ожидаемому благополучию. Особенно пострадала от них деревня. Результатом явилась интенсивная миграция из села, да и из области - эти процессы не удаётся остановить и по сей день. А без учета их опыт-таки нельзя рассматривать и процесс секуляризации населения.

Н.И.Ивановская
ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КРАЕВЕДЧЕСКИХ
МУЗЕЕВ АРХАНГЕЛЬСКА И ВОЛОГДЫ

Краеведческие музеи являются научно-исследовательскими и культурно-просветительными учреждениями, изучающими свой край и рас-

пространяющими знания о нем. Роль их как местных культурных и научных центров особенно велика в условиях Русского Севера, с его большим историческим и историко-культурным значением и масштабе всей России. Большое место в работе музея занимает историческое краеведение и его составная часть - этнография местного края, изучение которой дает возможность представить в музее этническую специфику культуры населения своей области.

Научно-исследовательскую этнографическую деятельность музеев можно разделить на три типа: 1) источниковедческие исследования (сбор информации, комплектование и научная систематизация вещевых коллекций); 2) решение вопросов, связанных с созданием этнографической экспозиции и ее тематикой; 3) исследования, связанные с разработкой проблем этнографической науки (публикация результатов исследований, их научная интерпретация). Начальный уровень этих исследований определяет конкретный вклад музеев в развитие этнографической науки.

Архангельский и Вологодский музей собирали этнографические коллекции еще до революции. Они послужили фундаментом для современных этнографических исследований. Несмотря на такие недостатки дореволюционного собирательства, как бессистемность сборов, излишнее увлечение при отборе вещей их экзотичностью и эстетическими качествами, они явились своеобразной базой для дальнейшей работы.

В 1920-е гг. во многих музеях РСФСР отираются специальные этнографические отделы и подотделы (в том числе в Архангельском и Вологодском музеях). В штатах музеев появляются специалисты-этнографы, регулярно публикующие результаты своей работы в центральных и местных изданиях (журналы "Краеведение", "Известия ДФ", в Вологде - журнал "Север"). Архангельский и Вологодский музей приступают к систематической экспедиционно-собирательской работе по этнографии (в Вологодском музее за первую половину 20-х гг. в фонды поступило более 1500 этнографических предметов). На основе собранного вещественного материала открываются первые этнографические экспозиции. Происходит становление местных музеев как исследовательских центров по изучению этнографии своего края.

1930-40-е гг. характеризуются упадком этнографической работы. Роль краеведческих музеев в этом отношении свелась к сохранению уже накопленных материалов, которые из-за плохой научной обработки практически превратились в склад "немых" вещей.

С конца 1950-х гг. Архангельский и Вологодский музеи проводят большое количество историко-бытовых экспедиций, в рамках которых собирают и этнографический материал, но при этом рассматривают его прежде всего в социально-историческом аспекте.

В 1960-70-е гг. в структуре музеев появляются филиалы - архитектурно-этнографические музеи под открытым небом, ставящие своей задачей поиск этнически специфических черт культуры населения своего края. Выполнив эту задачу, вологодский музей в конце 70-х годов приступил к всестороннему этнографическому изучению своей области. Архангельский же музей ограничился лишь собором вещественных коллекций историко-бытового характера. Таким образом, краеведческие музеи, даже в рамках одного географического региона, ведут сюда научные исследования в области этнографии на качественно разных уровнях. Между тем, при ограниченных возможностях центральных этнографических учреждений и их удаленности местные музеи являются единственными потенциальными исследователями этнографии своей области.

Причиной того, что областные музеи не всегда спрашиваются с этой ролью, является прежде всего недостаточная профессиональная подготовка музейных сотрудников, занимавшихся этнографией, практически полное отсутствие в музеях специалистов-этнографов. Для исправления этого положения решающее значение имеет работа ГМЭ народов СССР как методического центра в этнографическом музее-ведении, оказывающего помощь музеям страны по всем направлениям работы с этнографическим материалом.

Успешному выполнению областными музеями роли центра этнографических исследований местного края способствовала бы организация в каждом из них чисто этнографической экспозиции, отражающей этническую историю края, а также издание каталогов этнографических коллекций, хранящихся в областных музеях, с тем, чтобы максимально вывести этот материал в научный оборот.

СОДЕРЖАНИЕ

<u>А.М.Цопов</u> Культурно-идеологическая среда и подготовка агитационно-пропагандистских кадров	3
<u>В.Б.Анохин</u> Вхождение в контакт культуры как поиск истины	5
<u>С.В.Козлова</u> Гуманистическое предназначение культуры	8
<u>Н.А.Петрова, А.Н.Серелов</u> Способности как фактор развития культуры	9
<u>Д.В.Козлова</u> Эстетическое воспитание в процессе формирования духовной культуры личности	II
<u>А.И.Ященко</u> Названия несвященных мест Вологодской области как памятники культуры	12
<u>Н.Л.Тикомирова</u> Топонимия Белозерского края и его история	15
<u>Э.А.Корсун</u> Сюжетные композиции в набивных тканях Русского Севера	17
<u>С.И.Кондрашкина</u> Диалектическая фразеология как отражение материальной и духовной культуры вологодского крестьянства	18
<u>С.В.Козлова</u> Традиция и динамика народного искусства в системе культуры Европейского Севера	20
<u>Л.С.Лазартьева</u> Коллекция Русского Севера в фондах музея антропологии и этнографии им. Петра Великого	22
<u>Р.М.Лазарчук</u> Вологодский губернский архитектор Петр Федотович Бортиков (пыт реконструкции биографии и творчества)	24
<u>С.В.Косолапова</u> Северные жития как источник исследований в XIX веке	27
<u>М.В.Строганов</u> К.Н.Батюшков и его "маленькая философия"	29
<u>В.А.Кошелев</u> о месте К.Н.Батюшкова в истории русской литературы	32
<u>Л.А.Лехова</u> "Стривок из писем русского офицера о финляндии" Батюшкове. Проблема жанровой принадлежности	36
<u>А.Л.Яновский</u> К.Н.Батюшков и И.Н.Раевский (Новые документальные свидетельства о сражении при Салтановке)	39
<u>М.Г.Качурин</u> К.Н.Батюшков и Л.Н.Толстой (Проблема преемственности художественных позиций)	42
<u>А.Н.Лужанский</u> Первые русские рассказы	43

<u>А.Е.Новиков</u> Повесть О.И.Сенковского "Незнакомка" и традиции русской сатирической прозы	46
<u>Р.Г.Назарян</u> Творчество К.Н.Батюшкова в оценке В.К.Кожель- бекера	47
<u>И.Л.Савкина</u> Функции северной темы в поэзии Ф.И.Глинки "Карелия"	50
<u>Е.А.Сурков</u> Северная столица и конфликт с миром в жизни Н.В.Гоголя конца 1820-х гг.	52
<u>С.В.Змеевская, А.А.Шумилова</u> . "Путешествия" XIX века как источник русской исторической диалектологии	54
<u>Ю.Л.Басенко</u> Русский Север в творчестве В.И.Даля	56
<u>А.В.Чернов</u> А.В.Берешагин и его книга "Дома и на войне"	59
<u>С.Н.Митюров</u> Некоторые особенности изображения Северной столицы в произведениях Ф.М.Достоевского	61
<u>А.К.Смирнов</u> Русская духовная культура и национальный ха- рактер в книге С.В.Макеимова "Год на Севере"	63
<u>В.И.Мельник</u> Вологодский персонаж в рассказе К.М.Стен- ковича	65
<u>О.Б.Сидорин</u> Малоизвестная статья И.Анненского о народ- ной поэзии Русского Севера в контексте твор- чества поэта	67
<u>В.А.Сапогов</u> Игорь-Северянин в истории русской литературы начала XIX века	68
<u>О.Н.Волятин</u> Игорь-Северянин и его окружение в череповец- кий период	71
<u>М.Г.Рогована</u> Дом на Суде	73
<u>Т.Н.Усачева</u> Северный цикл А.И.Куприна	75
<u>Ю.В.Кицко</u> Диалектика универсального и национального в си- стеме эстетической целостности (рассказ А.И. Куприна "Щиловка")	77
<u>С.Н.Лоценко</u> Северные мотивы в апокрифах А.М.Ремизова	79
<u>Ю.В.Розанов</u> Пьеса А.М.Ремизова об Иуде в идеологическом контексте эпохи	81
<u>Е.К.Созина</u> Проблема экологии Севера в творчестве уральс- ких писателей (К.Д.Носилов, П.П.Индртьев)	83
<u>А.И.Иванов</u> Русский Север в творчестве А.С.Серафимовича	86
<u>К.И.Маркова</u> Творчество Н.А.Клюева в свете традиций рус- ской фольклористики	87

<u>А.Л.Ауэр</u> Северные очерки Бориса Пильника	88
<u>Н.А.Черников</u> Уровень и характер религиозности населения Русского Севера и проблемы культуры	89
<u>Н.Е.Морозова</u> Четеповецкие корреспонденты Этнографического Бюро кн.В.Н.Тымшева	91
<u>В.С.Белоненко</u> Материалы Отдела рукописей Государственной Публичной библиотеки им.М.В.Салтыкова-Щедрина по истории Вологодской области	93
<u>М.В.Шкварьский</u> Фонды Центрального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинграда как источник изучения политической ссылки на Русском Севере в конце XIX - начале XX вв.	95
<u>Л.А.Порохон</u> Международное общество помощи борцам револю- ции и его роль в общественном и культурном развитии вологодской деревни в 1923-28 годах	96
<u>В.А.Черников, О.И.Корниенко, А.Н.Исаиков</u> Особенности се- куляризации населения Русского Севера	98
<u>Н.И.Ивановская</u> Этнографические исследования краеведчес- ких музеев Архангельска и Вологды	99